

Андрей Лыков

Утилизатор

фантастические рассказы

Андрей Лыков

**Утилизатор.
фантастические рассказы**

«Издательские решения»

Лыков А. И.

Утилизатор. фантастические рассказы / А. И. Лыков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745991-8

Как быть, если Центральное ядро списало тебя в утиль, а таинственный незнакомец из будущего требует убить лучшего друга? А тут ещё напасти: у мужа начали расти щупальца; мистический двойник сначала щедро одаривает, затем требует непомерной платы. А может, весь мир — бесчеловечный эксперимент безумного профессора? Главное, уж коли превратился в зомби, старайся не сгнить как можно дольше и протянуть до того времени, когда человечество отправит к звёздам свою резервную копию.

ISBN 978-5-44-745991-8

© Лыков А. И.
© Издательские решения

Содержание

Утилизатор	6
Вакати	19
Гниение	34
Консерваторы	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Утилизатор
фантастические рассказы
Андрей Игоревич Лыков

© Андрей Игоревич Лыков, 2016

© Андрей Лыков, дизайн обложки, 2016

Корректор Елена Климова

Редактор Ульяна Белобородова

ISBN 978-5-4474-5991-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Утилизатор

Гром трещал ещё далеко, поэтому Марк решил, что успеет. Кинулся в узкий проулок, слишком тёмный после изнурительного солнца. Несколько шагов – и вот проспект, закатанный в серый бетон, от которого жар, как от гриля. Здесь солнце ещё ярче, но здесь же автоматы с водой. Вытянул из нагрудного кармана кредитку, сунул в узкую прорезь холодильника. Механизм загудел, по корпусу побежали волны вибрации. Марк считал капли пота, они срывались с подбородка и беззвучно падали на бетон.

Через семь капель автомат всхрипнул и выплюнул пластиковую бутылку. Марк растопырил пальцы, собираясь схватить, но в этот момент на плечо ему опустилась тяжёлая пятерня.

– Не слышал предупреждения? – Ожгло ухо хриплым дыханием.

Марк медленно повернулся. Несмотря на жару, по коже рассыпались мурашки.

Перед ним стоял полицейский. Здоровенный детина в светоотражающей форме и чёрных очках на пол-лица. Чуть поодаль прохаживался ещё один, он то и дело поглядывал на оставленную на другой стороне улицы машину, в которой можно спрятаться от чёртова небесного фонарика и врубить кондишку.

– А? – только и смог выдавить Марк. Не то что бы слишком боялся копов, но неожиданность их появления заставила начисто забыть человеческую речь.

– Гуляешь, говорю, долго, – повторил полицейский и поправил кобуру. – Предупреждение слышал?

Марк замотал головой. Мысли бились в мозгу испуганными птахами, он пытался понять, о чём твердит коп.

– Гроза идёт. – Полицейский покосился на небо. Тучи пока не появились, но в этот момент снова грянул гром, теперь мощнее, басовитей. – Говорят, в это раз какая-то особокислотная.

– Понял, – выдохнул Марк и собрался вновь юркнуть в проулок.

– Эй, – окликнул его тот же голос, – воду не забудь.

Марк схватил бутылку и помчался домой. Следовало поторопиться, грозы налетают быстро, а среди них попадают такие, что не дай бог оказаться на улице. Он помнил, во что превратилась кожа соседского паренька после одного из таких дождей. Родители спустили на его спасение все кредиты, но несчастный всё равно умер. В страшных мучениях – Марк слышал, как тот кричал сутки напролёт.

Солнце словно задёрнули тёмной шторой – столь стремительно налетели грязно-жёлтые тучи. Но Марк уже распахнул дверь квартиры.

Он смотрел на дождь из окна. Продолжал гроыхать гром, вспышки молний отражались в стёклах дома напротив. Это первый в этом году кислотный дождь, хотя только начало июня, поэтому, наверняка, не последний. То, что льющиеся с неба потоки именно кислотные, Марк понял сразу: с рекламного плаката на пересечении дворов исчезли все надписи. Плакат повесили ещё зимой, так что продержался довольно долго.

А потом он увидел ворону. Птица летела вдоль улицы, отчаянно молотя крыльями, маховые перья облезли и походили на пальцы костлявой старухи. Похоже, ворона торопилась под навес православного храма, разглыбившегося на пересечении улиц, – многочисленные пустоты его архитектуры стали прибежищем для множества пернатых. Не дотянула какой-то дюжины метров. Вздогнула, раскрыла клюв и закувыркалась вниз. С такого расстояния звук не мог достичь ушей, но Марк убедил себя, что расслышал мокрый шмяк, от которого сердце заухало филином.

Марк не помнил растущие во дворах деревья, те погибли задолго до его рождения. Дед рассказывал, что ещё мальчишкой застал целые цветущие скверы, как в оранжереях. Но Марк не верил, как такое может быть, чтобы растения жили под открытым небом?

Со школьных уроков он знал: когда-то Земля была заселена почти полностью. Было много стран, даже какие-то совсем экзотичные, на юге. Теперь страна одна – островки пригодной для жизни территории, объединённые одним языком и правительством. И одним Центральным ядром – суперкомпьютером, который вычисляет, как эффективнее выживать. ЦЯ упрятано в подвалы Женевы, там же – в Женеве, а не в подвалах – протирают зады правители во главе с Председателем.

– Прекращай в окно пялиться, пойдём кушать! – позвала мама.

Марк втянул ноздрями кисловатый запах дождя, тот пробивался даже через плотный стеклопакет, и вышел из комнаты.

– Я что-то пропустил? – Он указал на заставленный многообразной снедью стол. Отец и сестрёнка Линда уже заняли места на стульях.

Мама заметно смутилась, даже покраснела.

– Ну как же, – сказала она, – последние выходные перед...

Она не договорила. Но Марк понял. Действительно, вторая суббота июня – экзамен. Каждый гражданин старше восемнадцати должен его пройти. Точнее, всё решено заранее, человеку просто сообщают результат. Достаточен ли твой «коэффициент полезности» перед обществом. Вшитый ещё при рождении чип записывает каждое твоё действие, после чего отправляет в ЦЯ. Марк не помнил, сколько баллов гарантирует ещё один благополучный год, да это и не имеет значения, потому что прошлогодняя информация могла устареть, а новая планка появится только после оглашения результатов нынешнего. Главное, не попасть в последние десять процентов. Именно столько совершеннолетних отправляется в «утиль». Мало кто знает, что это означает, только «списанных» больше никто не видел.

Поток воздуха из кондиционера смешал запахи блюд в один пряно-копчёный. Марк сглотнул слюну, плюхнулся на стул.

– Скоро и тебе, Линда, предстоит экзамен, – подал голос отец. Глаза за стёклами очков странно поблёскивали.

– Угу, – кивнула та, метаясь вилкой в золотистую куриную ножку. – Два года осталось...

Линде семнадцать, неделю назад окончила школу и теперь ждёт назначения на работу. Пока может и не думать об утилизации. А вот Марку почти двадцать, и это будет второй для него экзамен. Прошлый помнит смутно: ряд компьютеров, проверка сетчатки, потом – узкий коридор, из которого вываливаешься на задний двор, ничего не понимающий, и только лупаешь глазами на таких же счастливицков.

– Как узнать, сдал-не сдал? – спросил он первого попавшегося мужчину лет сорока.

Тот усмехнулся:

– Раз ты здесь, то сдал. Иначе б не вышел.

Поразмышлять на эту тему Марк не успел, его вытянули из толпы едва знакомые люди, потащили в ближайший кабак. Напился он тогда как следует.

Выдохнул, отбрасывая воспоминания, принялся за еду.

Неделя прошла как обычно, хотя многие из коллег – Марк трудился на линии упаковки, запаивал в полиэтилен наборы разовой посуды – шпарили в поте лица, надеясь в эти последние дни поднять коэффициент полезности. Придурки, подумал он, весь год бьют баклуши, а теперь вкалывают, как проклятые. Раньше надо было думать. Впрочем, сам он тоже не слишком-то старался, как-то не принято в его возрасте думать о плохом. Это уже ближе к пенсии народ начинает мандражировать – силёнки-то уже не те. Хотя много ли тех, кто дотянет до пенсии?

Учитывая тот факт, что возраст выхода на пенсию один в один совпадает со средней продолжительностью жизни. Центральное ядро железняка умная, соки выжимает – мама не горюй, вот и вкальвают бывшие сапиенсы до самого деревянного макинтоша.

На главную городскую площадь понавозили автоматы, торговля шла бойко. Люди старались отвлечься от гнетущих мыслей, поэтому пускались во все тяжкие, но в рамках закона, всё-таки испортить показатели в последний день – верх безумия.

Стоянка была забита машинами, между которыми, как шуки среди карасей, вяло прокатывались броневики службы утилизации. Их серые коробки с узкими глазками-бойницами заставляли шарахаться зазевавшихся прохожих и притягивали взгляды тех, кто уже занял место в очереди на экзамен.

Марк попытался представить ситуацию, когда вся эта масса людей, а на площади собралось тысяч пять, вдруг взбунтуется и откажется входить в здание Проверки. Он зажмурил глаза. Воображение тут же нарисовало вспышки выстрелов, вопли раненых. Наверное, кто-то успеет вырваться, кому-то удастся даже перевернуть, а то и поджечь броневик-другой. Только смысл? К тебе придут домой. К *каждому* придут домой. Наверное, если представить масштабный бунт, революцию, то система может не пойти на тотальное истребление людей и всё-таки меняет закон, а то и вообще отменит экзамен. Вот только многие ли готовы пожертвовать собой ради необязательной победы? Марк решил, что он не готов.

Родители отправились на экзамен ранним утром, Марк тогда ещё спал. Его попытались будить, но он огрызнулся и пригрозил вообще не пойти. От него отстали. Явился на площадь ближе к обеду, в самое пекло. Зато предков и след простыл.

Заняв место, он без особого интереса пробежал глазами палитру шмоток – народ на экзамен наряжается, как на свадьбу, тащат их гардеробов всё самое яркое и безвкусное.

Перед ним стояла девица с фиолетовыми волосами и глазами навывкате. Похожа на куклу-утопленницу. Марк подумал, что лучше разглядывать эту попугаистую особу, чем коситься на броневики.

Спустя какое-то время та заметила его взгляд.

– Чё, готов пойти на котлеты? – спросила она и показала ряд крупных белых зубов. Солнце выбивало искры из переливчатых стразов, солнечные зайчики от них то и дело попадали Марку в глаза.

Он сделал неопределённый жест.

– Может, пронесёт. – Попытался выглядеть развязно, но не был уверен, что выходит правдоподобно.

– Ага. Два раза! – хохотнула та, – Думаешь, получится до пенсии держать бога за яйца? Ладно, расслабься. Все там будем. Если только и думать о том, что на выходе поджидает палач в капюшоне и с топором, долго не протянешь – склеишь лапы от инфаркта. Верно говорю?

Марк неуверенно кивнул:

– Похоже на то.

А ведь это характерная людская черта, подумалось вдруг, – начисто игнорировать повседневную опасность. Видимо, мозг устаёт быть всё время начеку и подсовывает хозяину задачи попроще и понасушней.

Сколь бы медленно ни двигалась очередь, настал черёд Марка переступить порог просторной аудитории с табличкой «Экзамен». Он подошёл к свободному компу, подождал, пока сканер идентифицирует сетчатку.

«Марк Ф. Подрабинек», – высветилось на экране. – «Экзамен пройден. Выход через коридор №3».

Марк поискал глазами и тут же увидел нужную цифру.

Дверь отъехала, едва он оказался в полуметре. Узкий коридор вывел в мрачный зал, освещённый красноватыми светильниками-шарами. Удивиться Марк не успел, потому что из полумрака тут же сооткался невзрачный субъект в сером костюме. Он указал на ещё одну дверь, на этот раз без всяких табличек:

– Пройдёмте.

Марк повиновался.

– Присаживайтесь, – сказал серый, когда они очутились в крохотном кабинете без окон. – Меня зовут инспектор Кротов.

– Марк, – прошепел Марк пересохшими губами. Похоже, он вляпался в неприятности.

Кабинет выглядел скверно, от стен исходил запах курева и стойкого перегара. В подвесном потолке зияли квадратные дыры, а сами отвалившиеся плитки сиротливо ютились между полкой для бумаг и громоздким сейфом, покрытым похожими на лишайники пятнами ржавчины.

– Сразу к делу, – строго сказал Кротов. – Экзамен вы провалили. Ваш коэффициент полезности ниже установленной минимальной планки.

– Но как же, – вскричал ошарашенный Марк, – компьютер написал «экзамен пройден»!

– Пройден, в смысле окончен. Реальный результат не сообщается во избежание. Теперь уже секрета нет, у вас пятьсот сорок девять баллов.

Послышалось тонкое жужжание, а через секунду упитанная муха спикировала Марку на рукав. И тут же начала потирать лапки, поблёскивая золотисто-зелёной спинкой.

– Итак, вы, гражданин Подрабинек, списаны в утиль. Но всё не так плохо. Дело в том, что до заветной черты вам не хватило всего одного балла. Подобная ситуация оценивается Ядром как пограничная, и решение судьбы гражданина предоставляется инспектору.

Муха сделала пару ленивых шажков по ламинированной столешнице, растопырила крылышки и улетела.

Марк смотрел на красную папку, по которой выстукивали пальцы собеседника, и пытался понять, как быть дальше. Ему подумалось, что если Кротов поднимется из-за стола и вытянет из ящика мясницкий нож, Марк будет так же смотреть перед собой, ожидая, когда ему выпустят кишки. И даже после этого останется сидеть, пока не потеряет сознание от потери крови.

Кротов приподнялся, потянул ручку ящика. Марк почувствовал, как сжалось сердце. Но вместо тесака инспектор выудил чистый лист бумаги.

– Пишите, – приказал он и указал на стакан с десятком гелевых ручек. – Я, такой-то, согласен на зачисление меня в штат комитета по утилизации.

Марк выпучил глаза.

А на следующий день уже сидел в учебном классе с десятком таких же напуганных курсантов. Восемь парней и три девушки, все в одинаковой серой форме, которую выдали ещё с вечера.

После ознакомительных занятий группу направили в медкабинет. Полная диагностика, анализы. Очкастая врачиха размахивала подозрительного вида инструментами, отчего походила на обезумевшего садиста. Под занавес процедуры, которая длилась чуть дольше вечности, за ухо Марку вживили чип.

– Зачем? – запротестовал он, – у меня есть такой.

– Не такой! – отрезала врачиха, стёкла очков недобро сверкнули. – Теперь ты под полным контролем. Будешь ерепениться – один импульс и вот уже намазываешь на хлеб собственное дерьмо.

– В смысле? – не понял Марк.

– Дурачком станешь. Так понятнее?

Ещё через две недели он получил удостоверение младшего сотрудника и миниатюрный шокер, мощности которого хватило бы свалить стадо слонов.

* * *

Родителей Марк больше не видел. Им сообщили, что сын переведён на секретную службу. На самом же деле его отправили в другой город за две тысячи километров. Любая связь, кроме служебной, попала под запрет.

Первые полгода числился стажёром. Когда «клиент» оказывался не слишком вменяемым, подтирал с пола и стен кровь, после чего отправлялся за пивом для напарников – снимать стресс алкоголем в этой конторе не возбранялось.

А через шесть месяцев уже и сам бил морды, вырубал шокером. Даже броневином удалось поуправлять, когда водитель накачивался сверх меры.

В тот июньский день Марк заслужил выходной. Радости не было предела, последние смены выдались – врагу не пожелаешь.

Накупил выпивки, истратил все припасённые талоны на закуску и курево, после чего откинулся в узком кресле и стал ждать вечера. Сегодня стукнул год, как стал утилизатором. Он планировал устроить небольшой сабантуй и по этому поводу пригласил парочку новых приятелей.

Обычно он не шибко сходил с людьми. Но эти двое выглядели вполне дружелюбными. Похоже, они, как и Марк, не по своей воли стали утилизаторами.

На самом деле основная работа утилизаторов сводилась к тому, чтобы наводить безотчётный ужас на обывателей, потому что полиция с этой ролью справлялась куда хуже. Да, бывали моменты, когда особо неэффективных индивидуумов приходилось забирать и досрочно списывать в утиль, но самые жаркие денёчки – это время экзамена. Вот тогда-то приходилось трудиться в поте лица. Потому что не все готовы принять приговор Ядра. А кто-то и вовсе, заранее догадываясь о результате, ударяется в бега. Таких приходится вылавливать, благо чипированы все с младенчества, и отправлять в утиль. Каким образом система разбирается со списанными, Марк не знал. Пару раз он заикнулся вопросом на эту тему, но ему ясно дали понять – лучше держать язык за зубами.

Ровно в три часа дня раздался звонок.

– Инспектор Подрабинек, – динамик зашелестел столь официальным тоном, что Марк не сразу угадал голос старшего инспектора Санчеса, замначальника отдела, в котором числился Марк. – Срочно явитесь в рабочий кабинет.

Губы шевельнулись послать Санчеса куда подальше, но Марк заставил себя заткнуться.

– Слушаюсь, – пробурчал он и кинулся к шкафу.

В кабинете шефа, на обитой дерматином кушетке сидел незнакомый тип средних лет. Судя по тому, что расположился по-свойски, а пальцы сжимают мундштук дымящейся сигареты, Марк понял, незнакомец важная шишка. Впрочем, инспектор Санчес не счёл нужным представить гостя. Марку даже не предложили присесть, он так и остался топтаться у входа и вдыхать аромат дорогого табака, к которому помешивались нотки добротного парфюма.

– Ты знаешь, – сказал шеф, – вчера был день экзамена.

Марк сдвинул брови:

– Ну да, я же сам обеспечивал безопасность...

– Так вот, – перебил Санчес, – у тебя новое задание. Секретность максимальная. Сегодня же, после инструктажа, отправишься в Женеву.

Марк присвистнул. Бывать в столице ему не доводилось.

– Твоя цель, – продолжал Санчес, – Председатель Кевин Лю.

У Марка отвисла челюсть. Лю – руководитель государства, самый главный в стране, главнее него только Центральное ядро. Срань господня, подумал он, «задание» чертовски смахивает на подставу. «Или на проверку», – прозвучало в голове.

Инструктировали Марка уже в дороге. Громадный лайнер без труда рассекал встречные потоки воздуха, мощные двигатели передавали салону ощутимую вибрацию.

Они расположились в кабинке вип-салона, здесь было четыре шикарных кресла, мини-кинотеатр и стеклянный бар, до отказа забитый выпивкой. Марк занял место у иллюминатора, рядом пристроился блондинистый крепыш, который представился как Гарри Бэйкер. Выглядел этот Гарри крестьянином из британской глубинки – бледная кожа, уляпанная веснушками, по-детски приоткрытый рот и наметившиеся, несмотря на юный возраст, мешки под глазами. Напротив них сидел тот самый тип из кабинета шефа, только теперь он сменил дорогой пиджак на гавайскую рубаху, а вместо сигареты вертел в пальцах золотую зажигалку. Он, наконец, изволил представиться, назвавшись господином Ивановым.

– Можно просто командор, – добавил он с непонятным смешком.

Четвёртое кресло осталось пустым, если не считать легкомысленного рюкзачка, принадлежавшего господину Иванову. Судя по всему, тот решил не изобретать велосипед и явиться в столицу в образе придурковатого туриста.

– Нам выдадут оружие? – спросил Гарри Бэйкер, когда стюардесса, расставив чашки с дымящимся кофе, закрыла за собой дверь.

– У вас нет шокеров? – приподнял бровь господин Иванов.

– Я имел в виду настоящее оружие, Председатель всё-таки.

– Нет. Это штатная операция, ничего особенного.

– А не маловато людей? – не унимался Гарри. Он покосился на Марка.

Господин Иванов сдвинул брови.

– Ты сколько уже работаешь? – ответил он вопросом на вопрос.

Гарри хлопнул ресницами.

– Полтора года.

– И сколько вас в патруле?

– Трое, если считать с водителем.

– То есть, принимаете клиента, как правило, вдвоём, так? – командор двумя пальцами поднял чашку, сделал глоток.

– Э-э... Так, – согласился Гарри. Марк боковым зрением видел, как у того от умственного напряжения лоб пошёл складками.

– Хорошо, – сказал господин Иванов, то ли оценив качество напитка, то ли отдавая должное сообразительности подопечного. – Так почему же думаешь, что Председатель – такая цаца, которая нуждается в почётном полку?

Гарри надул и без того немалые щёки, потупился.

И командор изложил план операции, который в двух словах сводился к тому, что Марк с Гарри должны явиться в здание правительства (допуск уже санкционирован), подняться на третий этаж и предъявить Кевину Лю решение Центрального ядра. После чего спокойно отвести того в поджидающий у входа броневик и доставить в местный отдел службы утилизации.

Марк подумал, что всё слишком просто, чтобы пойти по плану. Он не представлял, насколько нострадамой оказалась его догадка.

Летели довольно долго, успели поговорить и на отвлечённые темы. Командор хоть и выглядел дядькой суровым, на вопросы отвечал охотно, особенно те, что не касались предстоящего дела.

– Может ли Ядро ошибиться? – неожиданно даже для себя спросил Марк.

Гарри прыснул, покачал головой. С тем же успехом он мог покрутить у виска.

Командор призадумался, посмотрел на дно пустой чашки.

– Думаю, может, – наконец сказал он.

Гарри снова захлопал ресницами, точно телёнок перед волком.

– Все мы, – продолжал господин Иванов, – набор информации. Центральное ядро создано по нашему подобию. Конечно, оно рассудительней любого из двуногих, к тому же постоянно совершенствуется... Но всё-таки ошибки не исключены. Слишком сложна жизнь, слишком противоречива поступающая информация, а мы знаем, точность результата зависит от качества вводных.

– То есть, существует вероятность не просто небольшой ошибки, как, например, мой недобор баллов. Неверной может быть *вся* нынешняя система?

– Это ты загнул, – засмеялся командор, но как-то уж очень натужно. – В глобальном плане ни один человек, да что там – ни одно сообщество людей не предложило модель более совершенную, чем та, что имеем теперь. Вам, молодым, не понять, но в былые времена жили иначе. Я про те годы, когда начались катаклизмы. Война всех со всеми, паника. Законы перестали существовать как явление. Анархия. Хаос. А всё потому, что люди потеряли ориентиры. Землетрясения, кислотные дожди – это стало реальностью в доселе райском мире. Изменение климата, опустынивание земель. Теперь мы и десятой части не заселяем от того, что было каких-то сто лет назад. И тут Ядро предложило выход.

– Хорош выход, – проворчал Гарри. – Каждый год гробить десять процентов населения.

Командор пожал плечами:

– Ничего хорошего. На взгляд обывателя. Но подумайте, что было бы, появивсь Ядро на пару сотен лет раньше. Если б уже тогда каждое наше действие оценивалось по шкале эффективности, может, и не было такой задницы, как сейчас. Бесплезные члены общества не тянут соки из дряхлеющего тела цивилизации, впереди – развитие и процветание, а значит готовность к любым неприятностям, в том числе и самым масштабным. А издержки – без них никак. Лес, как говорится, рубят...

Марк не совсем понял метафору про лес, хотя бы потому что на его памяти живые деревья встречаются только в оранжереях и никто их не рубит. Но общий смысл уловил.

* * *

Женева встретила приятной прохладой – над столицей минимум раз в неделю распыляют реагенты, конденсирующие влагу, которая скапливается в плотные облака. Командор горячо распрощался с подопечными, крепко пожал обоим руки, а Марку ещё и подмигнул. После чего накиннул на плечо рюкзак и отправился ловить такси.

Марк же с Гарри погрузились в поджидающий на стоянке аэропорта броневик местных утилизаторов и минут за двадцать домчали до здания правительства.

Сначала всё шло как по маслу. Броневик скрипнул тормозами в шаге от парадного входа. Марк и Гарри выбрались наружу и направились вверх по широченной мраморной лестнице. Наверху, возле массивной двери их встретили двое охранников, ряженных, как масленичное чучело, одни красные папахи чего стоят.

Марк сглотнул и предъявил карточку.

Один из охранников провёл по ней миниатюрным терминалом, молча кивнул и отошёл в сторону. Дверь почти закрылась за спинами прибывших, когда Марк уловил полное безразличия восклицание:

– Утилизаторы!

Он усмехнулся. За год работы успел привыкнуть к ненависти. Как-то раз в него даже плюнули, да так смачно, что пачки салфеток не хватило оттереть зловонную слюну. Это была дряхлая старуха, за ней команда Марка приехала по просьбе полиции. Дело в том, что почтенная бабуля взяла за привычку выливать ночной горшок прямо на головы проходивших под её балконом стражей порядка. По-первости думали, случайность. Старушку журили, на том дело и заканчивалось. Но пятое по счёту прилюдное опорожнение ночной вазы оказалось последним. Напарник и командир Марка прочитал бабуле обвинительное заключение. Марк потянул к арестованной руки. И в тот момент старушка точно сошла с ума: её затрясло, как неверно установленную стиральную машину, она взвыла и что есть мочи харкнула Марку в лицо. Желтоватая слизь залепила глаза, набилась в нос и даже попала в рот, когда тот извергал запас проклятий.

У кабинета Председателя остановились. Рядом с дверью за угловым столом расположился секретарь, больше похожий на боксёра-тяжеловеса. Заметив прибывших, он изогнул бровь.

– Чем могу помочь? – спросил таким тоном, словно пригрозил навешать люлей.

Марк непроизвольно коснулся кармана с шокером.

– Полегче, дядя, – весело сказал Гарри. Похоже, ему начинала нравиться роль неприкасаемого чекиста. – Зови шефа.

Секретарь-боксёр привстал, очевидно, намереваясь вбить слова шутника обратно в глотку.

– Служба утилизации, – поспешил изречь Марк и протянул карту.

Громила замер, но садиться не спешил.

– По какому вопросу?

– Вопрос вне вашей компетенции.

Тот пару секунд помедлил, потом нехотя поднял трубку:

– Господин Лю, к вам посетители. Из утилизации.

Выслушав ответ, секретарь вяло кивнул на дверь.

– Будь паинькой, – покровительственно сказал Гарри и первым направился к инкрустированной золотом двери. Марк поспешил следом.

Председатель оказался точь-в-точь таким же, как выглядел по ящику. Долговязый шатен с пепельной бородкой и немного раскосыми глазами.

После короткого приветствия Марк сообщил причину прибытия.

Вопреки ожиданиям, Кевин Лю ни одним жестом не выказал испуга или хотя бы удивления.

– Могу я проверить по своему каналу? – проговорил он после короткой паузы.

Марк не возражал.

Пока Председатель щёлкал клавишами компа, Гарри разглядывал картину с древним пейзажем, на фоне которого развалилась пышнотелая девица. Из одежды на толстухе был только перстень с красным камнем на безымянном пальце.

– Итак, всё верно, – подал голос хозяин кабинета. – Ну что ж, ведите.

– Можете прихватить вещи, – разрешил Марк и незаметно выдохнул. Он и не думал, что выйдет столь гладко.

– Зачем? У меня всё с собой.

Они без проблем миновали озадаченного секретаря, забрались в лифт.

И вот тут всё пошло наперекосяк.

Лифт неторопливо полз вниз. Красная цифра, указывающая этаж, с тройки сменилась на двойку, затем пришёл черёд единицы.

Марк приготовился выходить, но кабина продолжила движение. Распюснутым бубликом промелькнул ноль, затем его место занял единичка с минусом. Лифт остановился, но двери разъезжаться не спешили.

Марк посмотрел на Гарри, Гарри – на Марка. Потом оба – на арестанта.

Тот развёл руками:

– Здесь нет связи, даже Ядро бессильно.

– Что это значит? – насутился Марк. Пальцы коснулись рукоятки шокера.

Лицо арестанта оставалось невозмутимым.

– Клиент обещает хорошо себя вести. Если отпустим, – усмехнулся Гарри. Он продолжал шутить, но дрожь в голосе выдавала с потрохами истинное состояние.

– Почти так, – согласился Председатель. – Однако же все понимаем, что сделай вы это, сегодня же отправитесь на удобрение.

Лифт мерно гудел, в воздухе витал едва уловимый запах гари.

Марк, ошарашенный случившимся, решил позволить арестованному выговориться, а уже исходя из услышанного, принимать решение.

– Логично, что я не горю желанием быть утилизированным, – заговорил Кевин Лю. – Я знаю, данный приговор не всегда означает смерть, но от этого не легче. Когда-то пост главы государства казался мне индульгенцией от карающей длани Ядра. Но задолго до сегодняшнего дня понял, что это не так – ни одна должность не позволяет стать выше системы. Как видите, будто в воду глядел.

Марк молчал. Гарри украдкой почёсывал затылок.

– Моё предложение такое, – продолжал Кевин Лю, и бородка его поблёскивала в свете софитов. – Здесь недалеко, в ангаре, у меня имеется самолёт. Не лайнер, конечно, но запас хода серьёзный. Еда, вода, медикаменты – полностью укомплектован. И переделан под ручной режим. Поэтому Ядро не сможет перехватить управление ни при каких обстоятельствах.

– И куда полетим? – осведомился Гарри. Он продолжал корчить шута.

Председатель сделал вид, что не заметил сарказма:

– На юг. Знаю, там условия, непригодные для жизни и всё такое. Но есть некие острова, где жить можно. Более того, вроде бы там есть люди. Конечно, Ядро засекретило информацию даже от меня, но тот, кто ищет, всегда найдёт. И я кое-что накопал.

Марк намеревался было оборвать пустую болтовню, но вдруг призадумался. Что его ждёт, если доставит сверженного Председателя в отдел? Премия, холодное «благодарим за службу», а потом всё по-старому, ежеминутное ожидание того, что придут и за тобой, а то и просто отключат дистанционно. Или проще – пулю в затылок, как нежелательному свидетелю.

Но с другой стороны, это же дезертирство. Более того – предательство. Это значит, никаких смягчающих обстоятельств и единственный возможный приговор.

Ну почему я должен делать этот выбор, размышлял он, и приходилось на рвущихся жилах держать себя в руках. В этот момент он люто завидовал сестрёнке Линде, которая пока и не задумывается об ответственности за каждый свой шаг.

– Что скажешь? – пробурчал Марк, обращаясь к Гарри. Для себя он уже всё решил. И, стараясь не привлекать внимания, вынул из кармана шокер.

– Эй, парень, ты что, серьёзно? – рассмеялся Гарри, разглядев выражение лица напарника. – Ну нет, меня в это дело не впутывай. Да нас же ещё на взлёте собьют.

– Не собьют, – успокоил Председатель. – Здесь всего один дивизион ракетчиков, защищаться-то не от кого. Да и тех буквально вчера я отправил на учения за триста километров. Военных самолётов, из тех, что на ходу, тоже не осталось. Ядро с каждым годом ужимает военные расходы, особенно с тех пор, как на планете осталась всего одна страна. Поэтому провёмся. Искать нас тоже вряд ли станут – слишком дорого.

Сколь бы крепкой выдержкой ни обладал арестант, в голосе его явно слышалось нетерпение. Но он тут же взял себя в руки, принял отстранённый вид.

Марк положил палец на кнопку спуска. Если напарник даст заднюю, придётся нейтрализовать.

Кевин Лю разглядывал ногти.

– Ладно, ваша взяла, – сдался Гарри. – Но если меня возьмут за филейную часть, я сдам тебя с потрохами! – Он пристально посмотрел на Марка.

– Не возражаю, – отозвался тот и вернул шокер в карман.

Двери лифта разъехались, и тройца вывалилась в тёмный коридор, подсвеченный только небольшим аваринным фонарём. Несмотря на шум вентиляторов, от стен ощутимо тянуло плесенью. Кевин Лю торопливо шагнул вперёд, Марк с Гарри едва за ним поспедали.

Через пять минут оказались в просторном ангаре. У стен высились стеллажи с картонными коробками, две оранжевые цистерны с надписью «Огнеопасно» по борту и несколько железных бочек. В одном из углов притаилась пара оранжевых погрузчиков.

Но центральным экспонатом был, несомненно, самолёт – типичный представитель ближней авиации, рассчитанный на дюжину пассажиров. Снежно-белый, словно выточен из льда. Никаких опознавательных знаков, даже названия модели.

– Чтоб я сдох! – выдохнул Гарри. И застыл, как вкопанный, раззявив рот.

– Какая у него дальность? – недоверчиво спросил Марк.

– Я же сказал, он переделан, – отозвался Кевин Лю. – К тому же нас всего трое, а это заметное снижение нагрузки.

Уже перед самым трапом Гарри остановился.

– Чёрт знает, – сказал он. – Если честно, я не слишком доверяю нашему клиенту.

Марк и Кевин Лю, успевшие преодолеть половину ступенек, повернулись.

– Подумайте, какого дьявола вы теряете, – проворчал Председатель. – Эта система изначально порочна, вы же видите, даже тот, кто добился немыслимых высот (это я о себе) запросто может быть списан в утиль. Если хотите моё мнение, Центральное ядро давно вышло из-под контроля, и сейчас реализует совершенно безумную программу.

– Но вы не рыпались, пока не запахло жареным, – прищурился Гарри.

– А это? – Кевин Лю ткнул ухоженным ногтём в сторону самолёта. Я с первого дня работы на этом посту начал готовиться к отступлению. К сожалению, у рядового гражданина вроде вас, такой возможности нет. Я не прав?

Гарри опустил глаза, тяжело вздохнул.

А спустя минут двадцать самолёт с тремя беглецами в кабине уже выруливал на взлётную полосу позади здания правительства.

Кевин Лю оказался неплохим пилотом, разгон и отрыв прошли, как следует. На одобрительное восклицание Марка Председатель, теперь уже точно – бывший, ответил:

– Ну, я ж не совсем остолоп, каким выгляжу по ящику. Ещё будучи министром отучился в лётной школе. И не только в лётной. При некотором везении смогу построить действующую цивилизацию.

Гарри покосился недоверчиво, а потом спросил:

– Ну и как мы найдём эти ваши острова?

Пилот вытянул из кожаного портфеля сложенную вчетверо карту, развернул.

– Вот эти острова, – показал он. – Часа через полтора будем на месте. Останется только найти подходящую поляну и попытаться сесть.

– Что-то я не доверяю этой бумажке, – скривился Гарри.

– А я не доверяю приборам, которые контролирует Ядро. Бумага и вот это, – Кевин Лю растопырил пятерню, на которой лежал компас, – самый надёжный гаджет.

Облачность, искусственно собранная вокруг столицы, осталась позади. Внизу мелькали заброшенные и действующие городки, нити дымков тянулись до самого неба и терялись в его бесконечности. А на горизонте белыми кристаллами сверкали в полуденном солнце макушки западных Альп.

Марк переводил взгляд с напарника на пилота и обратно. Наверное, подсознательно пытался понять, как вести себя в столь неординарной ситуации. Но мозг явно сбоил. Потому что Кевин Лю выглядел спокойным и сосредоточенным, время от времени сверялся с компасом и картой, удовлетворённо кивал. Гарри, напротив, сидел, как на иголках, то и дело вскакивал или вытягивал шею, пытался разглядеть, что творится позади самолёта.

– Ты чего? – спросил Марк.

– Да мало ли – преследуют...

– Я же сказал, гнаться за нами просто некому, – не поворачиваясь, проговорил пилот.

– Верить политику? Да ещё и беглому? Я вас умоляю! – Гарри фыркнул. – Если на то пошло, я до сих пор считаю наш побег авантюрой.

– В которой участвуешь добровольно, – закончил за него Кевин Лю.

Лицо толстяка побелело, отчего веснушки проступили ещё отчётливее.

– Вообще-то я видел, что мой дорогой напарник собирается обратить меня в кучку пепла. – Он повернулся к Марку:

– Да-да, как ты ни прятал, шокер я разглядел. И смотрел он прямёхонько в мою печень.

Марк почувствовал, как лицо наливается краской. Собирался возразить, но передумал, чтобы не выглядеть глупо.

В этот момент из-за горизонта вынырнула и стала растекаться бесконечная водная гладь.

Пилот надавил на штурвал, самолёт клюнул носом и стал снижаться.

– Туман, – пояснил Кевин Лю.

Марк пригляделся. Действительно, местами водную поверхность покрывают сероватые пятна, похожие на подвальную плесень.

– Вон земля! – заорал Гарри, прилипнув лбом к обзорному стеклу.

Пилот кивнул, подправил курс. Средних размеров остров посреди бесконечной синей глади стремительно приближался.

– Левее, вон там! – снова подал голос Гарри и даже затряс пилота за плечо.

Марк не мог поверить глазам. Выложенная бетонными плитами полоса. На аэродром не тянет, но всё лучше, чем рыхлая поляна. Никаких огней, и всё же подозрительно ровная, плиты не выворочены за многие годы бушующих на Земле бурь.

Шасси коснулись бетона, резкое торможение вдавило Марка в удерживающий ремень.

Остановился самолёт в самом конце полосы.

Рядом с шумом выдохнул Гарри.

Первым на поверхность ступил Кевин Лю. Втянул воздух – смесь запахов йода и серы, повернулся к парням:

– Ну же, смелей.

Марк последовал его примеру. Гарри замешкался.

И тут началась какая-то чертовщина.

Из-за раскиданных по краям бетонной полосы валунов показались фигуры существ, наряженных в жуткие лохмотья. Грязные, вооружённые чем попало, они лишь отдалённо напоминали людей.

Десяти секунд хватило, чтобы Кевина Лю и Марка оттеснили от самолёта, окружили плотным кольцом. Запах от дикарей исходил соответствующий их виду.

Когда на него накинулись, Марк не сопротивлялся. Ужас сковал мышцы, мозг начисто позабыл о шокере, достать который хватило бы одного движения руки.

И тут на трап шагнул толстяк Гарри. Марк видел его поверх косматых голов дикарей. Неуловимым образом напарник-недотёпа преобразился. Вместо вечно приоткрытого рта – плотно сжатые губы, взгляд серьёзный, отстранённо-холодный. Даже пухлые щёки куда-то подевались, Гарри стал стройнее и даже на пару лет старше.

Марк не мог разобраться, что его больше ошарашило, появление дикарей или новый имидж напарника.

– Ну что, господа, с прилётом! – торжественно сказал Гарри, и губы его растянулись в улыбке. – Добро пожаловать на утилизацию.

Марк дёрнулся, но Гарри тут же распахнул куртку и вытащил пистолет. Даже с расстояния в несколько шагов тот выглядел внушительно.

Кевин Лю, которого, как и Марка, держали двое бугаёв, вырваться не пытался. Похоже, сразу смекнул, что партия проиграна.

– Итак, оглашаю вердикт, – продолжал Гарри. Теперь он меньше всего походил на того неуверенного в себе толстяка, который садился в самолёт. – Гражданин Кевин Лю, вы прибыли в пункт утилизации, согласно команде Центрального ядра. Ваша дальнейшая судьба зависит от их воли, – он обвёл рукой толпу оборванцев.

– А ты, – обратился он к Марку, – не прошёл испытание, подготовленное Ядром. И тоже списан в утиль. А ведь имел крайне впечатляющие показатели.

Марк скрипнул зубами. Теперь, когда терять действительно нечего, страх, верной собакой сопровождавший его на протяжении жизни унёсся прочь, поджав хвост.

– Пошёл ты, вместе со своим Ядром! – выкрикнул он. – Думаешь, после сегодняшнего тебя оставят в живых? Хрена с два!

Плотно сжатые губы Гарри дрогнули и разъехались в улыбке. Он вернул пистолет на место, покачал головой:

– Дружище, ты живёшь в каком-то выдуманном тобою же мире. Полном коварства и злодеяний. Я даже завидую такому воображению. Чтоб ты знал, эта командировка у меня десятая по счёту. И ничего, цел и невредим. На самом деле система гуманна до невозможности. Если бы ты удосужился почитать историю, то смог без труда прикинуть, сколько людей погибло в год от разного рода неприятностей, включая суицид. Поверь на слово, это число куда больше десяти процентов. И это всё при потрясающей неэффективности труда. Так что порядок, предложенный Ядром, не просто благо – это спасение и надежда на земной рай.

Марка осенило.

– Ты псих, – сказал он. – Как и вся ваша контора. Один вопрос...

– Я слушаю.

– Эти острова и есть утилизация? Не слишком ли изощённо?

– Острова – один из видов утилизации, – ответил Гарри. – Есть катакомбы и много ещё чего. Всё это – социально-биологические опыты, задуманные учёными, и просчитанные Ядром. Какой-нибудь из этих опытов может положить начало приспособлению человека к жизни в новых условиях. Тогда наступит конец отступлению перед агрессивно настроенной природой.

– И со всеми вы вот так возитесь?

– Разумеется, нет. Основная масса списанных в утиль просто ликвидируется. Так что вы двое – везунчики.

– И, да... – добавил он, уже собираясь вернуться в кабину пилотов. – У этих парней напряжёнка со жрачкой. Но всё в ваших руках: докажите им, что живыми от вас толку больше.

Он усмехнулся и растаял в темноте люка.

Через минуту самолёт вздрогнул, воздух наполнился гулом, переходящим в свист.

Вакати

1

– Слышал, Нгоа пропал?

Аскольд потёр глаза. Перед ним стоял Лима, темнокожий стражник. Такой же высокий, как Аскольд, но не столь широкий в плечах. За открытым пологом хижины серел рассвет.

– Куда пропал? – Сон отступал нехотя. Смысл услышанного, как Аскольд ни старался, до него не доходил.

– Ночью его не стало, – объяснил Лима. – Тагиз видел, как Нгоа вошёл в шатёр...

– В шатёр? К Вакати?!

Сон слетел, будто сдёрнули одеяло. Никто никогда не бывал в жилище правителя. Кроме, разумеется, наложниц. Пусть Нгоа и главный страж, но даже с ним Вакати разговаривает только через ширму. Или отправляет с распоряжениями одну из наложниц.

Лима кивнул. Тускло блеснул железный обруч на лбу.

– Может, Тагизу померещилось? – возразил Аскольд. – Он же вдвое старше нас с тобой. Да ещё с сонных глаз...

Лима покачал головой:

– Тагиз клянётся, что это был Нгоа. Да и у кого ещё есть ятаган? Нгоа шёл без факела, но этой ночью было полнолуние, светло, как днём. Я верю Тагизу.

Аскольд медленно поднялся с лежанки, потянулся за рубахой. Он один из немногих носил одежду (остальные ограничивались набедренными повязками), потому что его кожа плохо переносила солнце, в этих землях особенно злое.

Лима ждал, когда приятель оденется, в очередной раз дивясь необычной внешности: Аскольд выделялся песочно-белыми волосами и светлой кожей, которая на солнце становилась красной, а потом слезала, как змеиная шкура. Лима не раз бывал свидетелем того, как Аскольд, кривясь от боли, снимает кожу лоскутами. Да, туго приходится северянину в этих пышущих жаром пустынных краях.

Послышались торопливые шаги, и в дверном проёме появилась физиономия Салифа, совсем молодого стражника.

– Быстро! Всем к правителю! – запыхавшимся голосом выкрикнул Салиф и умчался прежде, чем приятели успели спросить, в чём дело.

На площади перед шатром правителя собрались почти все стражники. Опаздывающие подбегали, становились в строй. Не было только тех, чья очередь караулить рабов.

Люди перешёптывались, пожимали плечами. Было видно, что никто не в курсе, зачем их собрали в столь ранний час.

Шатёр, высоченный конус из верблюжьих шкур, окружён забором из всё тех же шкур, столбами служат связанные сухожилиями воловьей кости – сказывается отсутствие деревьев. Правитель Вакати показывался редко, предпочитая пребывать в тени шатра, но иногда стражники могли видеть его прогуливающимся по двору. А несколько раз в год Вакати выходил к приехавшим из дальних земель купцам, покупал двух-трёх рабынь, уводил с собой. Остальными рабами и товарами занимался главный страж, он выбирал нужное, расплачивался с купцами «глазами орла», как называют в Макази¹ камень, который добывают рабы, принадлежавшие Вакати. Но лица правителя не видел никто. На людях он появлялся в сверкающих доспехах, голова замурована в золотой шлем с узкими прорезями для глаз.

¹ Макази – посёлок (суахили).

Аскольд попытался подсчитать, сколько раз видел Вакати, но не смог. Перед глазами стояли только до блеска отполированные латы с гравировкой на груди: два льва встали на задние лапы, а между львами – песочные часы. Такой же рисунок он видел на развевающемся над шатром флаге.

Его толкнули в бок:

– Гляди!

Аскольд поднял глаза. Через единственную калитку в заборе, опоясывавшем шатёр, вышла женщина. Точнее, выбралась. Она двигалась, расставив руки и то и дело оступаясь. Выше носа голову стягивала полотняная повязка с красными пятнами на месте глаз. Женщина всхлипывала, грудь при этом прерывисто поднималась.

Краешек солнца показался над горизонтом, и тут же прохлада капитулировала, уступив место наступающей жаре.

– Приказ великого Вакати! – выкрикнула женщина. Бледные пальцы вцепились в столб из воловьей кости, удерживающий калитку. Аскольд отметил сильный акцент, с которым наложница произносила слова.

Площадь затихла.

– Нгоа ушёл. Главным стражем назначен Аскольд!

Она разжала пальцы и кинулась назад к шатру.

Несмотря на исковерканные акцентом слова, своё имя Аскольд разобрал. Но понятия не имел, что теперь делать. Он просто стоял, чувствуя, как на висках выступают горячие капли, как текут по щекам солёные ручейки. Кожа на руках и лице начала зудеть. Солнце поднималось всё выше.

Наконец большинство стражников вышли из оцепенения, которое вызвал вид безглазой женщины, кинулись к Аскольду. Он слышал одобрительные возгласы, поздравления. Его хлопали по спине, трясли руку. Уже завтра большинство из них будет бояться поднять на него глаза, но пока что стражники видели в Аскольде равного, многие из них вместе с ним когда-то махали кирками в карьере, стоя по колено в вонючей жиже. И почти все они ненавидели Нгоа, с которым у самого Аскольда сложились вполне тёплые отношения. А теперь на смену иссиня-чёрному Нгоа пришёл он, вечно красный от солнечных ожогов северянин Аскольд, который два десятилетия назад оказался на земле Вакати в роли пятилетнего раба.

В его краях солнце было другом. Оно согревало и давало жизнь урожаю. Зимой, когда светящийся шар показывался едва-едва, люди мёрзли, кутались в шкуры животных, но всё равно дрожали от холода. Зато зимой с неба падал белый пух. Он тоже был холодным, но с ним так весело было играть. Тем более что летом играть некогда, надо следить за стадом и помогать взрослым на огороде.

Когда отец возвращался с удачной охоты, он был добр и весел. Пил вино, громко смеялся, отчего мать хмурилась и просила вести себя потише – здесь же, в избе, спали младшие дети. Тогда отец выводил старших во двор, учил стрелять из лука. У маленького Аскольда получалось не слишком, но отец всё равно хвалил, тербил за щёку и предлагал выпить вина. Кисловатый вкус с горчинкой Аскольд помнил до сих пор. От вина становилось ещё веселее, тогда отец учил детей драться на ножах. Однажды старший брат не успел увернуться, и лезвие распорол плечо. Было много крови. Они хотели утаить от матери, но та увидела повязку, рассердилась. И велела детям ложиться в постели. Аскольд в тот вечер долго не мог уснуть, слушая, как мать выговаривает отцу.

А потом пришли степняки. Мужчины выскакивали из хижин, многие не успели даже обуться. Бой произошёл за деревянной изгородью, поэтому Аскольд видел немного. Но потом засуетились женщины. Выглянув из хижины, Аскольд замер. Ворота были распахнуты настежь, в них врывалась цветастая конная масса. Он слышал, как вскрикнул и навсегда затих его млад-

ший брат, который родился в прошлом месяце. Увидел мать с окровавленным тесаком. Потом мать сдёрнула со стены боевой топор, крикнула детям:

– Хватайте ножи!

И выскочила навстречу врагам.

Стал бы сейчас Аскольд сопротивляться или попытался убежать? Он не знал. Но тогда он выбрал единственный верный для его народа путь. Выхватил из деревянного ящика кухонный нож и кинулся следом за матерью.

От конной массы отделился один воин, остановился в двух шагах от Аскольда. Одетый, как скоморох, в разноцветное тряпье, верхом на низенькой коричневой лошадке. Раскосые глаза смотрели с любопытством.

Аскольд выставил нож перед собой, зубы оголились в оскале. Конный разбойник изогнул бровь, медленно убрал саблю в ножны. Аскольд увидел, что раскосая физиономия расплылась в улыбке. Гнев рванулся волком. Мальчик зарычал, угрожающе ссутулился. И тут к его удивлению у конного воина в руке оказался кнут. В деревне такой имели только пастухи, как правило, дряхлые старики. Столь необычное «оружие» в руках воина сбило мальчика с толку. Щелчок. Руку выше запястья ожгло, нож звякнул о камни.

Стражники расходились, бросая на Аскольда взгляды – вопросительные, испытующие. Большинство считало его неплохим парнем, но кто знает, что будет дальше. Власть портит.

Через какое-то время Аскольд остался один. Подул утренний ветерок, который на севере приносит прохладу, но здесь воздух был горячим, как дыхание ада. Рубаха промокла и отяжелела. Со стороны пустыни принесло запах сухой травы, такой знакомый с детства, но здесь никто не заготавливал сена: трава сама высыхала под испепеляющим зноем.

Наконец босые ступни уловили вибрацию тяжёлых шагов. Аскольд вздрогнул. Вакати медленно пересекал пространство, отделяющее шатёр от калитки. Поверх забора был виден только золотой шлем с двумя короткими рогами красного цвета. Рога напомнили кровавые крючья после очередной казни. Правитель остановился в пяти шагах от калитки. Узкие прорезы забрала целились в Аскольда.

– Главный страж, приступай к обязанностям, – донёсся заглушённый расстоянием и шлемом голос.

Аскольд понял, что не может шевельнуться. Несмотря на жару, он почувствовал себя так, будто в глотку всыпали два мешка толчёного льда.

– Займёшь дом Нгоа! – прогудело из недостижимой дали.

Когда Аскольд сумел побороть доходящий до ужаса трепет перед правителем, тот уже повернулся спиной и так же не спеша вышагивал в сторону шатра. Только теперь Аскольд заметил оставленный у калитки ятаган. Тот самый, что принадлежал Нгоа.

Он заставил себя подойти, взять оружие. После этого прикрыл калитку, повернул ручку. Теперь он – главный хранитель покоя правителя. Это не укладывалось в голове, но размышления оставил для более подходящих времён.

2

С тех пор прошёл год. Аскольд почти освоился в роли главного стража. Хижина, которая досталась ему от пропавшего Нгоа была просторнее прежней. И здесь стояла кровать – настоящая, а не та лежанка, на какой привык спать Аскольд. Но мысли о Нгоа печалили. Поговаривали, тот отправился в соседние земли с важным поручением, но некоторые стражники шептались, что его убил правитель и то ли просто закопал у шатра, то ли съел его сердце. Не то, чтобы Аскольд верил в эти бредни, но оставалось неясное чувство, от которого шемило сердце.

Близился праздник Жертвоприношения. В этот день посёлок оживает: приезжают купцы, стягиваются, как шмели на мёд, бродячие актёры. Но прежде главный страж должен выбрать

одного из провинившихся рабов и казнить во славу богам. Аскольд направился к столбу наказаний. Вкопанный в землю толстый ствол дерева стоял на самом краю карьера, в котором рабы добывали «глаз орла» – прозрачный кристалл, из которого на востоке делают украшения.

Его появление заметили сразу. Если Нгоа мог подобраться к цепочке стражников, охраняющих рабов, незаметно, то белая шевелюра Аскольда привлекала внимание издалека. Он заметил, как вооружённые копьями мужчины перестали переговариваться, замерли, в почтении склонив головы.

– Почему пусто? – с ходу бросил Аскольд, заметив, что у столба наказаний нет ни одного раба.

Ближайший из стражников, молодой Салиф, сжался, словно ожидая удара.

– Они уже неделю работают, как термиты, – пролепетал он. – Знают, праздник близится. Никто не хочет оказаться у столба.

Естественно. Так происходит каждый год. Аскольд вспомнил себя, когда ещё мальчишкой попытался возмутиться ускорившемуся темпу работы. Он тогда таскал мешки с отработанным грунтом наверх. Но старый Хаим, жилистый бородач, схватил его за руку и прошептал:

– Малыш, в тебе сил больше, чем во многих. Потерпи несколько дней. Не позволяй им убить тебя ребёнком. Вырастешь – сам решишь, как поступить.

И Аскольд послушался. Стал работать лучше всех. Злость никуда не делась, но старик умел сказать так, что не оставалось ничего иного как послушаться. Ведь по большому счёту он и вправду ничего не может сделать, пока мал. Зато когда станет взрослым, скинет стражников в карьер, разделается с Вакати и освободит рабов. Так думал он тогда и пронёс эту мечту через всю жизнь. Но реальность оказалась сложнее детских грёз, поэтому ему до сих приходилось умирять гнев, выжидая более удачный случай реализовать задуманное.

Солнце стояло в зените. К западу, над песчаным барханом, наматывали круги стервятники. Аскольд отстранил Салифа, заглянул вниз. На самом дне карьера копошились тёмные фигурки. Ему не нужно было приглядываться, чтобы понять: мотыгами машут самые крепкие из мужчин, женщины орудуют лопатами, опытные старики промывают руду через сита. А по спиральной тропе ползут молодые рабы, у каждого на плечах мешок, из которого сочится грязная жидкость. Кому-то из тех, что с мотыгой, выпадет счастье стать стражником. У женщин и стариков такого шанса нет.

– Чтoб к вечеру здесь были как минимум двое! – рявкнул Аскольд, ткнув пальцем в сторону столба. – Передай остальным.

Он развернулся и пошёл прочь, стараясь не думать о смятении, в котором оставил Салифа. Но в большей степени – о том, что привязанными к столбу окажутся ни в чём не повинные люди, потому что теперь стражники не станут ждать проступка, а схватят первых попавшихся. Так уже было и не раз.

Он вернулся в хижину, упал на застеленную верблюжьим пледом кровать. Должность главного стража позволяла меньше времени находиться на солнце, и за такой подарок Аскольд благодарил богов. Он не знал, какие они, боги, потому что рабов пригоняли из разных земель, каждый верил во что-то своё, а северных богов Аскольд не помнил. В памяти всплывали неясные образы исполинского молота и стены огня. Одно лишь слово засело в мозгу накрепко: «Гйоль» – волшебная река², которой никто не видел, хотя других рек в тех краях в избытке.

Пошарил рукой в мешке из воловьей шкуры, который служил местом хранения продуктов. Захватил горсть сушёных фиников, кинул один в рот.

Он не раз беседовал о богах с Хаимом. Старик на долгие годы стал его единственным другом.

² Гйоль – в скандинавской мифологии река, отделяющая мир живых от мира мёртвых.

– Какие боги правят в тех краях, откуда ты родом? – спрашивал Аскольд в редкие минуты передышки. Всё остальное время, от восхода и до заката рабы рвали жилы в карьере.

Хаим улыбался, но в глазах таилась печаль.

– Бог един, и он везде, – загадочно произносил старик.

Аскольд сердился:

– Так вот почему ты здесь. У тебя всего один бог, конечно, он не может защитить тебя от чирuvi³! И как он может быть везде? Ты же не бывал везде. Где твоя деревня?

Хаим отхлёбывал мутной воды из глиняной чаши, задумчиво прикрывал глаза:

– Нет у меня деревни. Мой народ разбросан по всему миру. Когда-нибудь всевышний приведёт нас к земле Обетованной, но пока нужно ждать. Смирение, друг мой.

У Аскольда сжимались кулаки.

– Смиряются трусы! Боги любят отважных. А ты рассуждаешь, как раб.

– Мы все рабы, если ты не заметил, – Хаим обвёл руками отдыхающих на дне карьера людей. Некоторые сидели прямо в грязной воде. – Но даже они, – он поднял палец вверх, указывая на охранников, чьи фигуры темнели на краю карьера, – тоже рабы, как и Вакати. Как и все смертные.

– Мой народ свободен! – выкрикнул Аскольд, – И я тоже стану свободным и освобожу остальных!

Старый Хаим только пожал плечами и отхлебнул воды. Даже теперь, по прошествии стольких лет, Аскольд не понимал смирения друга. Время научило его обуздывать гнев, но только для того, чтобы тот вырвался, когда настанет час.

3

Жертву выбрал наугад. Тощий араб с язвами на лице. Трое суток просидел тот, привязанный верёвкой к столбу, обессилел, глаза ввалились. Аскольд надеялся, что приговорённый не станет слишком усердно молить о пощаде, и тот словно услышал его мысли, покорно поднялся, без лишних слов двинулся к месту казни. Стражники приволокли собранные рабами пучки сухой травы, сложили у основания жертвенного столба. Высушенное человеческое дерьмо отправилось туда же. Араб позволил связать себя и только после этого рванулся. Не вышло – конопляная верёвка держала надёжно. Двое стражников подогнали приговорённого к столбу, привязали. Тот молча таранился на заполнивших площадь жителей. Те оживлённо перешёптывались.

Аскольд принял из рук стражника горящий факел, подождал команды правителя. Вакати вяло махнул рукой (он восседал в боевой экипировке на высоком кресле, поставленном точно по центру площади, красные рога на золоте шлема смотрелись зловеще). Аскольд, скрипнув зубами, поднёс извивающееся пламя к пучку травы. Огонь, похожий на прожорливого зверька, перекинулся на новую пищу. Раб заорал. Аскольд видел, как чернеет и пузырится кожа, как извивается в муках тело, и просил богов, чтобы это поскорее закончилось. Он с отвращением покосился на замершую толпу. Никакого сочувствия, в сотнях пар глаз только любопытство.

Потянуло горелым мясом. В горле запершило. Наконец несчастный затих. Костёр почти прогорел, зато небольшой огонёк угнездился на обвисшем трупe – кожа на правой ноге свернулась рулончиком, и вот этот рулончик неторопливо горел.

Песнопения во славу богов огласили площадь. Аскольд с удивлением смотрел на открывающих рты людей. Откуда они знают слова? Он тоже с детства прожил возле карьера, но никогда не мог запомнить и пары фраз. Если на то пошло, его никто как следует и не учил. В душу закралось подозрение, что весь Макази сговорился и морочит ему голову. Он вглядывался в одухотворённые лица поющих людей и вдруг с удивлением обнаружил желтокожего паренька,

³ Чирuvi – демонические сущности у некоторых народов Африки.

которого привезли всего пару месяцев назад. Сам Аскольд покупал рабов у приехавших купцов, и его выбор пал на этого некрупного, но с виду выносливого азиата. Тот совсем не знал языка, на котором говорили в Макази, поэтому втолковывать обязанности пришлось пинками. И вот этот скуластый чужестранец поёт священную песню, которую Аскольд не выучил и за двадцать лет.

Наконец Вакати поднялся. Лязгнули пластины стальных лат. Рабы, послушные внутреннему велению, рухнули на колени. Аскольд склонил голову. Его примеру последовали остальные стражники.

Вакати медленно двинулся в сторону торговой площади, которая находилась на северной окраине Макази. Обычно пустая, она оживала только с приездом купцов. Аскольд кинулся за правителем, дав знак ещё двоим стражникам двигаться следом.

Ничем не огороженная, торговая площадь представляла собой утрамбованную множеством ног поляну, за чистотой на которой следили девочки-рабыни. Сейчас на площади было шумно. Беспреданно фыркали и плевались высоченные двугорбые верблюды с корзинами, привязанными кожаными ремнями, в каждую из которых можно уместить полдюжины рабов. Мычали коренастые буйволы с медными кольцами в носу. От лотков с пряностями исходил дурманящий запах, и Аскольд почувствовал, как рот наполнился слюной.

Вакати важно обходил торговцев, указывал пальцем в железной перчатке на тот или иной товар. Аскольд тут же подзывал одного из стражников, тот складывал товар в корзину. Расплачиваться предстояло позже, когда правитель удалится в шатёр.

Они остановились возле длинной жерди, к которой были привязаны дюжины полторы рабов. Жердь обычно цепляется за телегу, её тянут буйволы. На телеге сидит хозяин, а рабы, двумя рядами с жердью посередине идут следом.

Рабов правитель выбирал долго. Бродил вдоль ряда угрюмых человеческих существ, иногда брезгливым движением поднимал за подбородок, разглядывал лицо. Аскольд терпеливо ждал.

– Эта! – донёсся из-под шлема приглушённый голос.

Аскольд подошёл, чтобы принять товар... и замер. Девушка лишь на миг взглянула на него и снова опустила голову. Светлокожая, как сам Аскольд, золотой водопад волос достигает пояса. Белое платье в красных узорах, так не похожее на одеяние местных женщин. Судя по всему, она не так давно лишилась свободы – кожа покраснела и даже начала облазить, но загар ещё не въелся, лишь немного притенив лоб и щёки.

Купец развязал замысловатый узел, от которого на запястьях рабыни остались глубокие розоватые борозды. При этом торговец одобрительно качал головой, а затем изобразил жест, который Аскольд истолковал как то, что цену за рабыню придётся заплатить весьма значительную.

Вакати выбрал ещё одну девушку, негритянку с большими грудями, прикрытыми только бусами из морских ракушек. По ней Аскольд мазнул невидящим взглядом, на мгновение задержавшись лишь на торчащих сосках. Что-то глубокое и мощное, как все боги подземелья, прорывалось настолько зримо, что у Аскольда перехватило дыхание. И причиной такого состояния явилась золотоволосая девушка, которую очень скоро он отведёт в шатёр правителя. Зубы скрипнули сами собой, мышцы свело судорогой. Он видел, как обе рабыни в испуге отшатнулись. Появилось непреодолимое желание выхватить ятаган и развалить тушу правителя надвое. Остановил его только здравый смысл, протиснувшийся сквозь пелену безумия. Вакати защищён стальными пластинами, к тому же вооружён (на поясе правителя висел меч в украшенных драгоценными камнями ножнах), тогда как вся экипировка главного стража – железный обруч на лбу, да разъеденная потом рубаха. Аскольд набрал полные лёгкие воздуха, медленно выдохнул. У него будет время расправиться с Вакати. Но сейчас нужно собрать волю в кулак, перетерпеть.

Когда-то Аскольд спросил Хаима, почему среди рабов так мало людей со светлой кожей. Старик отложил сито, на котором поблёскивали две-три крупинки «глаза орла», заговорил:

– Бледные люди, такие как ты, живут далеко на севере. Там, где мало солнца и много деревьев. Степняки редко решаются на столь опасные набеги – их лошади боятся леса, полного хищников. К тому же северяне воинственны. Тебе повезло, что тебя не убили. Твоя кожа боится солнца, поэтому из белых рабы получают неважные.

– Почему же меня оставили в живых? – потрясённый спросил Аскольд.

Старый Хаим пожал плечами:

– Одному богу ведомо. Ты крепкий малый, может, всё дело в этом.

С тех пор в Макази появилось не больше десятка людей с кожей такого же цвета, как у Аскольда. В основном это были подавленные люди, не сумевшие до конца поверить в реальность своего нового положения. Кого-то из них убили стражники, когда те попытались убежать, хотя труды стражников были напрасными – через день-два с беглецами расправилась бы пустыня. Кто-то умер у Жертвенного столба, отказавшись жить в неволе. Несколько белых женщин всё же приспособились и даже завели семьи, но дети у них рождались неизменно смуглые, ничем не выдававшие наполовину северное происхождение.

Когда Вакати удалился с новыми наложницами в шатёр, Аскольд вернулся к торговцам, швырнул горсть камней и велел убираться. Купцы переглядывались, хмурились. Но блеск драгоценных кристаллов, которые они тут же кинулись делить, затмил все остальные мысли, и вскоре торговая площадь опустела.

4

А потом он увидел её снова. Аскольд привычно обходил высокую изгородь из верблюжьих шкур, окружавшую шатёр правителя. Солнце завалилось за выпуклый горизонт, и хотя прохлада ещё не наступила, Аскольд радовался отсутствию обжигающих лучей, с которыми его кожа так и не смирилась.

Он как раз поравнялся с калиткой, когда его окрикнули. Он так привык, что его нездешнее имя коверкают на все лады, что сейчас, услышав почти правильное произношение, не сразу понял, в чём дело.

– Аскольд, – повторила девушка, выглянув из приотворённой калитки.

Он остановился. Повернулся. Это была она. Новая наложница Вакати, с такой же светлой, как у Аскольда, кожей и почти такими же светлыми волосами. Она выглядела уставшей и несчастной, но глаза, красные от бесконечных слёз, светились радостью и... надеждой.

– Я слушаю, – сказал Аскольд, от неожиданности перейдя на официальный тон. Обычно с наложницами он общался по-свойски.

Но оказалось, девушка совсем не знает его языка. Похоже, произнести его имя у неё вышло случайно. Она что-то по-птичьи щебетала, но потом и сама поняла бессмысленность затеи. Взгляд её потух.

– Тебя послал Вакати? – мягко спросил Аскольд. Он видел, девушка пожалела о том, что первая заговорила и теперь собирается убежать.

– Вакати? Нет! – она завертела головой так яростно, что давно не мытые волосы затряслись, как лапки пронзённого копьём паука.

– Значит, ты пришла *сама*? – Аскольд попробовал слово «сама» на вкус и удивился, увидев множество скрытых смыслов в таком коротком звуке.

Она не поняла. Попыталась что-то объяснить, дотронулась до своей щеки, протянула обкусанный ноготь к его щетине. Аскольд вдруг понял, что уже несколько дней не брился, хотя

раньше каждое утро скрёб лицо правленным о кожаный ремень ножом. И без того в этих краях чувствуешь себя варёным сурикатом, борода же только усугубляет положение дел.

Наконец она сдалась. Он видел сверкнувшие в её глазах капельки, но не успел ничего предпринять. Не спросил даже имени, которое узнал месяцем позже, когда судьба вновь свела их в закатном зареве уходящего дня.

– Ты, – выкрикнул главный страж. Нгоа ещё ходил в рядовых стражниках (Аскольду тогда едва перевалило за семнадцать), а этот, Савахи, морщинистый дядька со шрамом во всё лицо, вселял ужас не только в рабов, но даже в сослуживцев.

Аскольд сбросил с плеча мешок, он только что выбрался наружу карьера с очередной порцией отработанного грунта.

Савахи уставился на него единственным глазом:

– Ты. Иди за киркой.

Аскольд стоял, не шелохнувшись.

– Пошёл, я сказал! – главный страж замахнулся ятаганом. Он частенько доставал оружие, иногда по делу, но чаще просто из желания поглумиться над слабым. А слабыми для него являлись все, кроме правителя.

Аскольд, лихорадочно соображая, как следует поступить, побежал наугад в сторону хозяйственных построек.

– Эй, тебе чего? – окликнул молодой стражник, карауливший имущество.

– Господин сказал идти за киркой, – пролепетал Аскольд.

– Так ты промахнулся. Иди за мной.

Молодой стражник выглядел добродушным малым, его чёрное лицо то и дело озарялось ослепительно-белой улыбкой. Будь все стражники такими как этот, жизнь была бы намного легче.

– Выбирай, – предложил стражник, когда они приблизились к нагромождению инструментов. Сваленные в беспорядке кирки переплелись с лопатами, ломami и ситами. В голове промелькнуло, что, если перековать эту кучу железа в мечи, можно вооружить небольшую армию.

Аскольд схватил наугад, торопливо поблагодарил. Он спешил вернуться на карьер, опасаясь гнева Савахи.

– Да не за что, – улыбнулся стражник. Если что – обращайся. Меня зовут Нгоа.

До сих пор ни одна женщина не вызывала у него чувств, хотя бы отдалённо напоминавших то, что Аскольд переживал после первого взгляда, брошенного на него белокожей наложницей правителя. С её лицом перед глазами он ложился спать и вырывался из мучительных ночных терзаний, помня только её.

Всё чаще он отирался возле шатра, не замечая неприязненных взглядов других стражников, несущих вахту по периметру забора – мало кому нравятся частые встречи с начальством. Он надеялся, что она появится. И вот, уставший и сильнее прежнего обожжённый солнцем, он собирался уже отправиться в хижину, когда калитка отворилась.

– Вакати спит, – вместо приветствия сказала девушка и, схватив за руку, затянула Аскольда внутрь двора. В любое другое время он бы сжался от ужаса, ведь проникать за изгородь без разрешения строго запрещено. Но потрясение от услышанного, заставило забыть об опасности.

– Ты умеешь... говорить? – пробормотал он.

– Всегда умела. Но ваш язык ещё учу. Хочешь знать моё имя?

Не умея вымолвить и слова, Аскольд судорожно кивнул.

– Ясина. Слышал когда-нибудь такое?

Аскольд замотал головой. Было видно, что слова даются девушке с трудом, кое-какие звуки она произносила неправильно, но всё равно это было невероятно. За месяц выучить язык. Как такое возможно? Уж не чируви ли постарались?

– Вниз! – приказала Ясина и резким движением пригнула его голову. Через мгновение за забором прошелестели шаги.

Разум требовал пойти на попятную, рисовал Вакати, выглянувшего из шатра и заметившего свою наложницу в компании главного стража. Но Аскольд был готов сложить голову, лишь бы побыть рядом с ней. Он с самого начала знал, у такой девушки не может быть обычного имени. И не ошибся. Само сочетание звуков, похожее на что-то неземное и бесконечно прекрасное ласкало слух.

– Я-си-на, – произнёс он, не сразу поняв, что сделал это вслух.

– Правильно, – похвалила она и засмеялась.

– Мы очень старались его усыпить, – вдруг добавила она и мотнула головой в сторону шатра. Только теперь Аскольд заметил тёмные круги у неё под глазами. Каким образом они со второй наложницей «усыпляли» правителя, Аскольд постарался не думать.

5

Нгоа был единственным из стражников, кто относился к Аскольду по-доброму. Не то чтобы темнокожий здоровяк кормил его финиками, но и бессмысленной жестокости, которой славились остальные стражники, Аскольд от него не видел. Бывало даже, Нгоа защищал рабов от нападков, а то и от верной смерти у Жертвенного столба. Казалось, такой добряк не может даже надеяться стать главным стражем. Но в один из дней Савахи отправился в шатёр правителя и не вернулся. Через одну из наложниц Вакати передал, что Нгоа назначен главным. Следующим утром Нгоа встал на пути Аскольда, который в числе прочих рабов направлялся в карьер – вновь махать мотыгой.

– Постой, – сказал Нгоа, – хочешь стать стражником?

– Нет, – неожиданно даже для себя сказал Аскольд. – Наверху слишком жарко.

– Ты сможешь пить, сколько пожелаешь – стражникам доступ к колодцу свободен, – неуверенно проговорил новоиспечённый главный страж.

– А на дне карьера – воды по колено! – возразил Аскольд. Он не понимал, откуда взялось это упрямство, но, возможно, всё дело было в раздражении, которое вызвало нелогичное, по его мнению, назначение Нгоа главным стражем. Даже не само назначение, а его, Аскольдова, радость по этому поводу. Будто его самого при этом назначили правителем.

Наконец Нгоа понял, что над ним издеваются.

– Ну хватит, а то я передумую. Младший страж, бегом за оружием и живо занять место на западной насыпи!

Тот день запомнился на всю жизнь. Но ещё больше – вечер, когда Аскольд беспрепятственно подошёл к колодцу и напился из глиняного кувшина с отстоянной водой, совсем не похожей на ту мутную субстанцию, которую он пил до сих пор. С отвращением вспомнилась зловонная жижа на дне карьера – туалет рабы утраивали там же, и не до конца отфильтрованные экскременты попадали в воду, пропитывая зловонием, на которое с удовольствием слетались мухи. Но Аскольд не раз был вынужден пить прямо из-под ног, иначе его ждала неминуемая смерть от обезвоживания.

Несколько дней спустя он встретил старого Хаима. Тот сидел на камне возле своей ветхой хибары, наполовину засыпанной песком, вязал чётки. Едва Аскольд приблизился, старик вскочил.

– Ты чего, Хаим, – удивился Аскольд. – Это же я. Не узнал?

– Узнал, господин, – смиренно ответил тот и склонил голову. – Поздравляю с назначением.

– Спасибо. Но ты чего? Или ты думаешь, это, – он коснулся пальцем железного обруча на голове, – сделало меня другим?

Старик изобразил неопределённый жест:

– Всякое могло случиться. Люди меняются...

– Но не я. Мне следует поблагодарить тебя. Если бы не твои советы, я бы давно отправился на корм стервятникам.

Хаим отмахнулся, но Аскольд продолжал:

– А что если это твой бог? Как думаешь, могло такое случиться, что он решил помочь мне?

Старик смахнул прилетевшую в глаз песчинку, помял нос.

– Нам неведомы помыслы Господни. Но ты всегда был хорошим мальчиком.

Аскольд проглотил подступивший к горлу ком.

– Хаим, могу я что-нибудь сделать для тебя?

Тот покачал головой.

– Ты можешь сделать для себя! – неожиданно сказал он.

Аскольд поднял брови.

– Когда станешь свободным, найди землю обетованную, – продолжил старик. – И просто пройди по ней.

– Что это мне даст?

– Не знаю. Я там никогда не был.

Спустя совсем небольшое время старый Хаим умер. Не удержал полное руды сито и упал в воду. Он захлебнулся, хотя вода на дне карьера едва доходила да колена.

– Я всё продумала, – говорила Ясина, когда они встретились под покровом ночи. Стрелками насекомые, в чёрной вышине подрагивали звёзды.

– Мы уйдём на верблюдах. Переоденемся торговцами, и двинемся на север.

Аскольд улыбался. Она не могла видеть его улыбки, но сейчас это было неважно. Наверное, это он должен составлять план побега, просчитывать варианты. Но Ясина справлялась куда лучше, тогда как Аскольд просто слушал, впитывая её голос, как сладкий нектар.

– Ты умеешь ездить на верблюде?

Он попытался сосредоточиться.

– Что? Нет. В последний раз на верблюде я катался в пятилетнем возрасте. Когда степняки сдали меня торговцам. Я был привязан к заднему седлу, как мешок с пшеном.

– Понятно. Это плохо. – Ясина вздохнула. – Меня вообще везли в телеге. Дома я не раз каталась на лошадях, но верблюды... они такие огромные.

– Может, лучше пешком?

– С ума сошёл? А кто еду и воду нести будет? Да и видел ли ты, чтоб кто-то бродил по пустыне пешком? Нас же схватят на следующий же день.

Это было правдой. Аскольд ни разу не слышал про людей, пересекающих это песчаное море на своих двоих. Именно поэтому в Макази нет скота – таким образом рабы лишаются даже призрачного шанса убраться подальше от карьера, воронка которого так похожа на гигантскую пасть подземного монстра.

Но на самом деле неумение ездить на верблюде волновало Аскольда не слишком сильно. Он был уверен, как-нибудь да управится, тут главное начать. Гораздо больше тревожила та часть плана, обсуждения которой они старались избегать. Убийство Вакати. Ясина предложила было просто связать правителя, но это никуда не годилось. Если бы даже им чудом удалось скрыться от преследования, дальнейшая жизнь в посёлке ничем бы не изменилась. Или стала ещё невыносимее. Но Аскольд поклялся себе, что дарует свободу всем жителям Макази. Для

этого нужна смерть Вакати. И тогда люди смогут решить, как им поступить дальше: вернуться в родные края или остаться, но жить свободно. Аскольд подозревал, что актуальными станут оба варианта, ведь не всем есть куда возвращаться, многие родились здесь и не знают другой родины, кроме карьера.

– О чём задумался? – спросила Ясина и положила голову Асколду на плечо. Ночь перевалила за середину, земля остыла, и стало холодно. Даже ночные насекомые поутихли. На пустыню пуховым одеялом опустилась тишина.

– Что если я не справлюсь с Вакати? – задумчиво произнёс Аскольд.

– Ты боишься?

Он покачал головой:

– Нет. Умереть – нет. Я боюсь за тебя. И за людей. Если наш план провалится, будет плохо всем.

– Хуже, чем сейчас? – в её голосе послышалась злость, – Ты считаешь это жизнью? Вечное рабство. Пресмыкание...

– Подумай вот о чём. Ты здесь живёшь всего-ничего. Родилась и выросла свободной. Но многие из них, – он указал в темноту, но девушка вряд ли увидела его жест, – родились рабами. Конечно, им не нравится такое положение вещей. Но готовы ли они рискнуть жизнью ради того, чего никогда не видели?

Ясина промолчала.

6

Сердце ухало с такой силой, что содрогалось всё тело. Аскольд надеялся, что бесконечно это продолжаться не может и в назначенный день всё пройдёт само собой. Но нет, последний день догорал апельсиновым закатом (с востока напознала ночь, та самая, которую Аскольд с Ясиной задумали как последнюю для Вакати), а сердце продолжало колотиться попавшей в ловушку пичугой. Аскольд начал сомневаться в успехе замысла. Что если Вакати проснётся? Ясина обещала, что правитель будет спать, как сурок, но повернуться может по всякому, верно? И дрогнувшая рука может не удержать ятаган. И тогда правитель разделается с заговорщиками – девушке просто свернёт шею, Аскольда же изрубит одним из топоров, целая коллекция которых, со слов Ясины, висит на стене шатра. Аскольд затряс головой, стараясь отогнать мрачные мысли, от которых до паники – один мелкий шажок.

Солнце улеглось на горизонт и через минуту растаяло, как кусок масла на сковородке, оставив после себя лиловое свечение, с каждым мгновением угасающее. Макази ещё шумел, но то был шум подготовки ко сну. Уставшие рабы, весь день гнувшие спины в карьере, не тратили время даром, потому что сон – единственное доступное удовольствие. Аскольд с грустной улыбкой подумал о том, что, возможно, уже завтра жизнь этих людей изменится, и они смогут жертвовать сном в пользу других развлечений. Ощущение важности момента, когда на кону благополучие всего Макази, захватывало дух. Но возможность провала действовала на разум намного сильнее.

Много раз Аскольд видел, как наказывают рабов. Большинство из них побои сносило стойко, неплохо держались даже женщины. А вот приговорённые к смерти менялись до неузнаваемости – только что терпевший избиение едва ли не с улыбкой, начинал плакать, умолять о пощаде. И тут же в памяти всплывал случай из далёкого детства, задолго до налёта степняков, уничтоживших деревню. Один из мужчин, дальний родственник Аскольда, был уличён в блуде. Гулящую женщину выпороли на глазах у всей деревни, а для любовника её муж потребовал смерти. Вожди посоветались и решили: так тому и быть, ведь этот негодяй был не раз замечен и в других поступках, насылающих гнев богов. Несчастного привязали к двум коровам (так унижительнее, потому что лошади – животные благородные), щёлкнул кнут. Юный Аскольд стоял совсем рядом, хотя мать пыталась закрыть его подолом длинной

юбки, и видел казнь в деталях. Тот, кому через мгновения предстояло отправиться к праотцам, только плюнул в сторону рогоносца и весело заржал. Возможно, именно это смех так подействовал на Аскольда, что память пронесла этот эпизод из детства через годы невероятных трудностей, выпавших на его долю. Приговорённый продолжал закатываться со смеху, даже когда на груди лопнула кожа, а кости захрустели, как река во время ледохода.

Оскаленная в ухмылке голова мертвеца долго волочилась по пыльной площади, пока корова, которой выпал жребий тащить именно эту часть тела, не остановилась у одного из домов. Но ещё дольше эта ухмылка стояла в глазах Аскольда, на мгновение растворяясь, но оживая вновь во время каждой новой казни. Аскольд молил богов, чтобы в случае неудачного исхода сегодняшнего заговора он сумел выдержать любые пытки и не дрогнуть перед страхом смерти. Потому что люди его племени встречают смерть презрительным смехом.

Синева затянула небо, и одна за другой начали зажигаться звёзды. Каждая звезда, помнил Аскольд, это душа предка. Не исключено, и ему сегодня уготовано присоединиться к этому сверкающему хороводу.

Наверное, он всё-таки уснул, потому что шёпот Ясины заставил вздрогнуть.

– Пора. Он спит, – прошелестело из темноты.

Аскольд глубоко вдохнул, отлепился от стены, возле которой сидел в ожидании сигнала. Вскочил и скривился, как от зубной боли, когда ятаган звякнул о камень.

– Кто здесь? – раздалось справа. Голос принадлежал Тагизу.

– Тагиз, это Аскольд. Не спишь? – Аскольд постарался напустить в голос строгости. Пусть стражник думает, что главный пришёл с проверкой.

– Нет, как можно! – испугался тот.

– Смотри мне. Ладно, иди. Да повнимательнее там!

Шаги Тагиза стихли.

Аскольд на всякий случай прислушался и только после этого юркнул в открытую Ясиной калитку.

Внутри царил полумрак – единственная восковая свеча мало что могла против впечатляющего пространства шатра. Отблески робкого огонька играли в чёрных волосах второй наложницы. Она сидела неподвижно: голова лежит на руках, волосы веером разметались по столу.

Аскольд сделал вопросительный жест.

Ясина ответила тоже жестом, который Аскольд расшифровал как «не обращай внимания, она нас не потревожит». Аскольд сжимал рукоять ятагана с такой силой, что будь она не из рога, а из дерева, из неё непременно полился бы сок. В темноте можно было разглядеть контуры кровати, на которой уместилось бы половина Макази. Изначально Аскольд планировал рубануть наугад ближе к изголовью, но теперь планы приходилось перекраивать – нужно хорошо приглядеться, потому что спящий Вакати мог оказаться в любой части этого исполинского ложа.

Но Вакати не спал. Не похоже, что он ожидал нападения, но всё же не спал.

– Кто здесь? – раздался до невероятного знакомый голос. И тут же до Аскольда донёсся металлический щелчок. С таким щелчком захлопывается забрало шлема.

Аскольд не ответил. Зато услышал, как вскрикнула от испуга Ясина. Размышлять было некогда. Он кинулся на голос, рука сама взлетела вверх, занося клинок. Вакати выдал блеск шлема, отразившего свет свечи. Аскольд нанёс удар. Металл лязгнул о металл, и рукоять ятагана каким-то чудом не вылетела из пальцев. В бок кольнуло, но не слишком сильно. Аскольд сместился в сторону, рубанул сбоку. Ещё до того, как услышал сдавленный крик, понял – удар достиг цели. Лезвие с хлопком рассекло плоть и глухо стукнуло в кость. Не мешкая, Аскольд нанёс несколько ударов не целясь и быстро отскочил на освещённое пространство.

Он впервые увидел Вакати, не замурованного в железо чужеземных лат. Правитель сделал шаг, другой, теперь его можно было разглядеть в подробностях. Абсолютно голый, чёрный как смоль, со свисающими внушительными гениталиями. Единственную его одежду составлял золотой шлем с неглубокой вмятиной поперёк лба.

Вакати силился что-то сказать, но из горла вырывался только хрип. Из ладони раненого правителя выскользнул нож, беззвучно утонул в ковре. Вакати стоял, пошатываясь. Аскольд тупо смотрел, не в силах пошевелить парализованными мышцами. Ясина была тут же. Она сжалась и, казалось, перестала дышать.

Вакати сделал ещё шаг по направлению к заговорщикам. Аскольд, выйдя из ступора, замахнулся ятаганом. Но это оказалось лишним, потому что Вакати не собирался нападать. Вместо этого, последним усилием воли, сдёрнул шлем, и тот упал на ковёр, в отличие от ножа, довольно громко звякнув.

Аскольд почувствовал, как в горле стремительно сохнет. Намного стремительнее, чем в самую жестокую жару. Перед ним стоял, едва держась на ногах... Нгоа! Бывший главный страж, в том числе за исчезновение которого Аскольд собирался отомстить Вакати.

– Ты! – только и вымолвил Аскольд, глядя на старого приятеля.

Вакати, он же Нгоа, не ответил. Уронил голову на грудь и упал, затылок при этом глухо ударился о шлем.

– Ну вот и всё, – прошептала Ясина.

Аскольд повернулся. Лицо девушки было таким бледным, что светилось в темноте, похожее на луну. Рядом, за столиком, всё так же сидела с головой, положенной на руки, вторая наложница, но только теперь Аскольд разглядел на столе лужу крови, которая тонкой струйкой стекала на пол. На ум пришла не совсем уместная в такой ситуации мысль, что ковёр теперь никуда не годится и его место на свалке.

7

Ночь продолжалась, немисливо долгая, словно боги склеили несколько ночей в одну длинную чёрную ленту. За стенами шатра было тихо. Похоже, вышагивающие вдоль забора стражники ничего не заметили.

– Верблюды готовы, – вполголоса произнесла Ясина, хотя вряд ли кто-то мог их услышать.

– Погоди минутку. – Аскольд обошёл труп бывшего правителя, присел на уголок кровати, окровавленный ятаган положил рядом. В мозгу зрела важная мысль, но смятение от произошедшего мешало сосредоточиться.

– Аскольд, нужно торопиться, – позвала Ясина, когда все разумные лимиты времени были исчерпаны.

– Я думаю.

– Чего думать? Утром люди проснутся свободными, а мы будем уже далеко. Всё получилось, как мы и хотели.

– Послушай... – тяжёлым голосом заговорил Аскольд.

Ясина замерла, почувствовав его интонацию.

– ...Я никуда не еду.

– Как не едешь? – её голос задрожал. – Верблюды ждут...

Он отмахнулся:

– К чертям верблюдов! Хотя... Ты поезжай. А я должен остаться.

– Я не понимаю. Почему?

– Присядь, – сказал Аскольд и хлопнул по одеялу.

Девушка послушно приблизилась, села рядом, но всё же не так близко, как сделала бы это ещё пару минут назад.

– Они не выживут, – с горечью заговорил Аскольд. – Одни привыкли быть рабами, другие – стражей. Вторых меньше, но у них оружие. Они не смиряются с потерей власти. А потом, когда бывшие рабы всё-таки перебьют стражников, начнут истреблять друг друга. Хотя бы потому что нечего будет жрать.

– Но почему? Ведь все добытые «орлиные глаза» будут оставаться у них.

– Ты думаешь, они станут работать в карьере, когда исчезнут надсмотрщики? – Аскольд усмехнулся.

Помолчали.

– Давай оставим людям половину или даже большую часть из запасов Вакати, – наконец предложила девушка. – Камни я ещё не упаковала.

– Это без толку. Драгоценности присвоят наиболее сильные. Но дело даже не в этом. Как только до торговцев дойдёт слух о том, что здесь убили правителя, те перестанут сюда соваться. Я бы не стал доверять восставшим рабам. А купцы-то поумнее меня.

– Тогда что ты собрался делать?

– Остаться. И стать Вакати.

– Что? – Ясина отшатнулась.

– Я понял, что нынешний порядок вещей – наименьшее зло. Да, я не сказал тебе... Этот твой Вакати – бывший главный страж. Его имя – Нгоа. Мы с ним неплохо ладили, а потом он куда-то пропал. В последний раз его видели входящим в шатёр правителя. Это было ночью.

Девушка замерла. Потом глухим голосом проговорила:

– Так значит... Нет, я не могу поверить...

– Тем не менее, это так. Главный страж убивает правителя и занимает его место. Следующий страж поступает так же. И так – одним богам ведомо сколько раз. Оттого-то и слухи, что Вакати бессмертный.

– Ну хорошо, пусть всё так, как ты говоришь. Но тогда чем ты будешь отличаться от этих? – она протянула руку в сторону раскинувшегося на ковре мертвеца.

– Пока не знаю. Думаю, люди заслужили свободу. Только давать её нужно не сразу, а постепенно. Быть может, для этого понадобятся десятилетия.

Свеча заморгала и погасла. В помещении запахло горелым.

Ясина поднялась. Аскольд этого не видел, но понял по скрипнувшей кровати.

– Ты куда?

– Домой! Как и договаривались. О, великий Вакати, ты же не будешь против, если я заберу одного верблюда?

Аскольд сглотнул. Он впервые слышал в голосе любимой столько злости. Глаза наполнились влагой. Захотелось остановить Ясину, попытаться уговорить остаться, умолять... «Ничего уже не вернёшь», – прозвучало в голове так отчётливо, что Аскольд вздрогнул. – «Она для тебя потеряна».

Звук открываемого полога подействовал на мозг отрезвляюще. словно гроза, в одно мгновение растворившая туман.

Он догнал её возле загона с верблюдами. Те фыркали, переминаясь с ноги на ногу.

– Чего тебе? – бросила Ясина, услышав приближающиеся шаги.

Аскольд не ответил. Вступать в разговор было опасно. Действовать, пока решимость не уступила сомнениям. Небо было чистым, и растущий месяц освещал двор достаточно. Быстрым движением Аскольд схватил её голову, нащупал рот, зажал ладонью. Девушка дёрнулась, но сил было явно недостаточно. Он рванул в сторону, послышался хруст. Когда девушка обмякла, бросил безжизненное тело и быстро зашагал к шатру. До утра оставалось не так много времени, а ему ещё копать яму, чтобы спрятать труп Нгоа. Тела наложниц же можно будет отдать стражникам, пусть отнесут подальше.

Аскольд нащупал в кромешной темноте шатра прохладный металл шлема, осторожно водрузил на голову. Ему надо привыкать появляться на людях в шлеме. И забыть своё имя, потому что для всех он – Вака⁴ти.

⁴ *Вака⁴ти – имя звучит как wakati, т.е. «время» (суахили).*

Гниение

1

Владу снилось, что он не зомби.

Солнечный свет радовал, а не слепил.

Он как раз шлёпал мимо детского сада, когда взвыла сирена. Малышня за прутьями забора притихла, но как только сирена смолкла, воздух наполнился многоголосым рёвом.

Тогда-то всё и началось.

Послышались шаги. Как будто маленькие ножки перебирают прямо по телу, со спины на плечо.

Влад дёрнулся, сон слетел. Осталось только чумное состояние, когда не знаешь, где реальность, а где вымысел.

Крыса пискнула, оттолкнулась от плеча и сиганула прочь.

Подвал томился в пыльном сумраке. Щели в окошках, небрежно заколоченных фанерой, не светились, а значит, наступила ночь. Можно идти.

Влад тяжело поднялся, щетинистым подбородком почесал занемевшую руку. В ноге ныло, и он переместил взгляд вниз. На левой конечности чуть выше колена зияла рана, кровь подсохла, но заживлением и не пахло. Скверно.

Он несколько раз глубоко вдохнул. Сырость и крысиный помёт – фанера начисто отсекает запахи города.

Стараясь не шуметь, выбрался из подвала. Получалось так себе – неразогретое тело двигалось неуклюже, то и дело спотыкаясь о разбросанный повсюду мусор. Зато ароматы города чуть не разорвали ноздри. Он мог без труда отыскать добычу, от которой протянулись почти осязаемые ниточки. Конечно, до мяса ещё нужно суметь добраться, но Влад не сомневался в удаче. В конце концов, он стал намного сильнее в последнее время.

«После *чего* стал сильнее?», – как кувалдой, шарахнуло вопросом. Он аж покачнулся.

До него начало доходить. Он же... Чёрт возьми, он же инфицирован! Память хлёсткими пощёчинами швыряла в сознание кадры недавнего прошлого. Всеобщий хаос, паника. На улицах появились первые зомби. Прошёл слух, что это война и враг применил генетическое оружие. Зомби оказались на удивление проворными, легко справлялись даже со взрослыми, не говоря уже о детях, которых переловили довольно быстро. Кому-то удавалось вырваться, но через пару-тройку дней раненый впадал в кратковременную кому, после чего бросался на всё живое. Влад попытался вспомнить момент собственного заражения, но не смог. Голод гнал на поиски добычи.

По мере продвижения, тело разогревалось, становилось послушнее. Он спустился по бетонной лестнице и оказался на небольшой площади прямо в центре спального района, застроенного пятиэтажками. Во многих окнах не было стёкол. И ни в одном из них не горел свет.

Неожиданно из-за угла вынырнули две тени, особенно резкие при свете полной луны. Влад шарахнулся и оцепенел, разглядев зомби – он никак не мог привыкнуть к подобным встречам. Ходячие мертвецы были на последней стадии, один едва волочил ноги, у другого и вовсе вместо рук свисали короткие культяпки, а движения походили на неумелые прыжки. Зомби не обратили на Влада никакого внимания и проковыляли мимо, то и дело останавливаясь и пригнувшись. Было очевидно, что достать пищу им вряд ли удастся, так и подохнут

с голоду, если не наткнутся на чьи-то объедки. Зомби держали путь вниз по двухполосной дороге, на обочине которой застыли груды ржавого железа, бывшего когда-то машинами.

Влад выждал, пока мертвецы скроются, и только тогда двинулся дальше. Он направился в сторону окраинных бараков. Ниточки густого запаха человечины, приправленного душистым страхом, буквально тянули за нос. Влад преодолел размытый дождями ров, несколько раз споткнулся о строительный мусор, но не разозлился. В последнее время эмоции стали нечастыми гостями.

Из густых зарослей давно не стриженных деревьев выпятился угол бревенчатой двухэтажки. В былые времена здесь расселяли не самые благополучные семьи. Запах пищи исходил сразу из нескольких квартир. Влад мог бы не рисковать и выбрать ту, где людей поменьше, но его влѣк не только голод.

Вошёл в подъезд, прислушался. Из-за самой пахучей двери доносились приглушённые голоса. Это плохо. Если не бояться шуметь, значит, чувствуют силу. Влад призадумался, но лишь на мгновение. Он не считал, что утратил способность мыслить, однако инфекция определённо что-то сделала с его «программой принятия решений». Наверное, стёрла папку с названием «сомнения».

Осторожно повернул ручку. Заперто.

Стукнул костяшками пальцев по деревянному наличнику.

Голоса смолкли. Он постучал ещё раз. Через полминуты запах добычи заполнил вселенную.

– Кто? – шѣпотом спросили с той стороны двери.

– Свои, – выдавил Влад. Вышло хрипло, но вполне отчётливо. В последние дни язык подчинялся со всё большей неохотой, приходилось прилагать немалые усилия, чтобы сохранить умение говорить – весьма нетипичное для зомби. По крайней мере, для добычи это всегда становилось неожиданностью.

За дверью помедлили, до ушей донеслись перешѣптывания.

Влад нащупал в кармане длинный гвоздь, сжал в кулаке.

Щѣлкнул замок, дверь начала приоткрываться.

Он успел разглядеть два чёрных ствола, направленных в грудь. Но на его стороне была решительность. Резкий взмах, и гвоздь наполовину длины входит в череп. Ружьѣ ещё падало из рук жертвы, а Влад уже рывком распахнул дверь, даже не заметив удерживавшей её цепочки.

Двустволка стукнулась о пол, и тут комнату залепила вспышка, а стены сотряслись от грохота выстрела. С потолка посыпалась штукатурка.

Пара секунд ему потребовалась, чтобы восстановить зрение. Так, вот они все. Забились в углу комнаты, прямо напротив входной двери. В отличие от Влада, жертвы ещё ничего не видят и только лупают глазками. Старик и две женщины, старая и молодая. Дед, похоже, обделался. Влад шагнул к троице, одним рывком отшвырнул старуху, та шмякнулась возле дивана и тихонько заскулила. Дед только беззвучно открывал рот, морщинистые руки сдавливали грудную клетку.

Влад придвинулся к молодой. Девушку трясло. Зубы лязгали, как жернова камнедробилки. Он взял её за подбородок.

– Лида? – спросил Влад, и с удивлением отметил, что хрипота исчезла.

Девушка замотала головой. Не она. Да он и сам это видит. Та Лида, образ, преследующий его сонными днями, была светловолосая в синей шапочке. Эта же чёрненькая, да ещё толстая, как распухший труп. Оттолкнул, отчего та стукнулась головой о подоконник и вскрикнула.

Влад вернулся к добыче. Крупный мужик с гвоздѣм во лбу. Ничего уже не соображая, накинулся на свежую плоть. Он жрал и жрал, пока по телу не разлилось тепло, а брюхо не отяжелело от мяса.

Как ушёл, он не помнил. Никогда не помнил, как покидает место трапезы. Просто обнаруживал себя среди каких-нибудь обломков, часто в подвале или в тёмной пристройке. Метаболизм происходил, как в реакторе, тело нагревалось и только что не гудело. Теперь, когда голод утолён, он мог вернуться мыслями к Лиде. Откуда он её знает? Почему не может отыскать? А что, если она стала жертвой зомби. Других зомби, поправился он.

Дважды день сменял ночь, а Влад не шевелился. И только когда внутренний «реактор» успокоился, дождался вечера и выбрался наружу. Раненая нога с каждым днём слабела, отчего всё заметнее проступала хромота. Не беда, ещё долгое время он сможет двигаться достаточно быстро, чтобы не остаться голодным. О более отдалённой перспективе он не думал.

Целая компания зомби вышагивала ему наперерез. Влад сбавил ход, но решил не уступать дорогу. Тогда зомби тоже замедлили движение, шаги их стали неуверенными. Влад посмотрел в глаза вожаку. Тот вздрогнул и остановился. Остальные последовали его примеру. Носы зашевелились, ловя воздух. Наверное, инфекция отключила эмоции не полностью, потому что Влад смог удивиться, когда вся команда хищных тварей повернулась на сто восемьдесят градусов и припустила в сторону ближайшей подворотни. Влад пожал плечами. Боятся. Чего?

Додумать он не успел. Потому что теперь сам почувствовал опасность. Все нити запахов будто обрубил, остался один, какой-то маслянисто-химический. И тут громко лязгнуло, а из бетонного столба в двух сантиметрах от Вladoва уха посыпались искры. Он повернулся на запах. В одном из незастеклённых окон на втором этаже дома по ту сторону дороги мелькнула тень. И тут же появилась в соседнем окне. Но прежде, чем Влад сумел хоть что-то разглядеть, раздался хлопок, и в плечо ощутимо толкнуло. Сомнений не осталось, за ним охотятся. За время «болезни» ему не приходилось сталкиваться с охотниками на зомби. Более того, до этого момента он и не подозревал об их существовании.

И Влад побежал. Побежал, что было сил, благо тело не успело остыть после изрядной порции мяса. Он кинулся к развалинам завода, которые занимали несколько гектаров. Здесь должен был вырасти фармацевтический комбинат, но стройка сошла на нет задолго до появления зомби. Влад помнил эти развалины как место проведения соревнований по пейнтболу и неплохо ориентировался в бесконечных лабиринтах из железобетона.

Охотник не отставал. Во всяком случае, маслянистый запах никуда не делся. Влад перескочил несколько лестничных пролётов, нырнул в узкий проём и сиганул в шахту лифта. Внутри были выступы, и он надеялся уцепиться за один из них. Удалось, хотя и отломал несколько ногтей. Не беда, отрастут новые. Самое главное, после заражения он почти перестал чувствовать боль, и благодаря этому многое стало возможным. К тому же теперь он просто физически не может истечь кровью.

Запах охотника ослаб, но не исчез. Судя по всему, тот временно потерял след, а значит, надо действовать.

Влад постарался не думать о запахе, сосредоточился на остальных чувствах. Получилось. Мрак рассеялся, стены шахты проступили отчётливо, стала даже видна застрявшая внизу кабина лифта. Это на минус первом этаже. А там – бесконечное подземелье, уходящее на несколько уровней вглубь.

Он в последний раз втянул ноздрями воздух. По крайней мере, охотник не приблизился. Влад оттолкнулся и разжал руки.

2

Грохот разорвал пустые развалины. От тяжести тела крыша кабины прогнулась, но не проломилась. Влад нырнул в сумрак подземелья. Благодаря новым способностям, темнота перестала быть ему помехой – от стен теперь как будто исходило слабое свечение. Он

бежал бесконечными коридорами, путая следы. Кое-где на бетонных поверхностях желтели или алели потёки краски от пейнтбольных шариков. Сюда не попадал дождь, а потому краска сохранялась годами.

Он петлял довольно долго, пока не обнаружил узкую нишу, в которую смог протиснуться. Таких ниш в этой стороне катакомб сотни, поэтому на полное обследование охотнику понадобится недели. Уж за это время Влад что-нибудь придумает. Он забился в самый дальний угол тесного убежища и замер.

Запах охотника развеялся. Звуков, кроме редких крысиных шажков, тоже слышно не было.

Влад и не заметил, как впал в оцепенение, похожее на сон. Сколько времени прошло с тех пор, как он стал одним из этих? Слово «зомби» применительно к себе он не использовал. Несколько месяцев? Пару лет? Нет ответа, только череда выходов за добычей, крики жертв, испуганные лица. Убивать он старался только стариков. Задуманное получалось не всегда, как с этим мужиком с двустволкой, но Влад старался. Хотя бы из соображений рациональности – молодые проживут дольше, а значит на дольше хватит еды. И сколько он видел девушек, так похожих на Лиду, но не идущих ни в какое сравнение? Даже самые красивые из них были всего лишь мясом. Иногда он отчаивался и думал, что Лиду не отыскать. Пару раз ему даже снилось, что это он в приступе безумия убил и съел её. Но наступала голодная ночь, и он снова выходил на охоту, полный уверенности, что его Лида жива. И конечно, она единственная, кто не отнесётся к нему, как к зомби. Для неё он просто болен, а значит, его можно вылечить.

Из оцепенения вырвало шевеление в левой ноге. Влад подтянул онемевшую конечность поближе, взгляделся в рану. Из разорванных мышц сочилась сукровица, но это бывало с ним и раньше. Шевелилось в самой глубине раны. Он наклонился и увидел белое продолговатое тельце. Червяк. И ещё один. И ещё. С брезгливой лихорадочностью он стал выковыривать опарышей. Те падали на холодный бетон и извивались, как на горячей плите. Влад стал давить их подошвой башмака. Заражение крови ему вряд ли грозит, но червям ничего не стоит сожрать всю плоть, и тогда он не сможет охотиться. Но самое главное – придётся забыть о поисках Лиды. Покончив с червями, выдавил со дна раны густую массу, похожую на гной. Теперь придётся быть внимательнее, ибо паразиты могут вернуться.

Часы тикали, и сопротивляться нарастающему голоду становилось всё труднее. Наконец он не выдержал, поднялся.

Лёгкий сквозняк пошевелил волосы.

Выбрался из ниши, поковылял, разогревая тело, в сторону аварийной лестницы. Возможно, он бы не вспомнил дорогу, но зелёные стрелки на стенах ясно указывали путь. Нога заметно ослабела, но голод затмевал мысли. Вверх, туда, где пища. Лишь бы солнце уже село, потому что расширенные зрачки потеряли способность адаптироваться к яркому освещению. Времени прошло много, наверное, несколько суток, поэтому об охотнике Влад не беспокоился, не столь он ценный экземпляр, чтобы его ждали до победного.

Несколько лестничных пролётов обрушились, поэтому выбирался по привязанным к перилам верёвкам. Это отняло неожиданно много сил, тем более что левая нога теперь исполняла роль скорее балласта, чем полезного органа.

Но вот и выход. И на дворе глубокая ночь.

Он шагнул наружу и чуть не наступил на котёнка. Тот жалобно пискнул, но не убежал, а сжался в пушистый комок. Влад присел, коснулся пальцами с обломанными ногтями мягкой шерсти. Нервные окончания почти не функционировали, но он помнил, какова наощупь шкурка котёнка, а потому фантомные ощущения передались ладоням. Маленькое живое тельце. Вполне съедобное. Котёнок поднял головку, мяукнул и круглыми глазами посмотрел на Влада. Тот замер, потом рывком поднялся и переступил через крохотное животное. Зверёныш наконец одумался и сиганул в щель между плитами.

Проследив путь котёнка, Влад начал подниматься, придерживая непослушную ногу. И тут до слуха донёлся рёв двигателя и свист резины. Времени хватило только на то, чтобы повернуть голову. На него мчался чёрный мотоцикл, пилота разглядеть он не успел. Свет фары резанул по глазам, а через мгновение удар в грудь заставил сознание рассыпаться, как части головоломки. Влада откинуло на забор, затылок гулко стукнулся о бетон.

3

В себя приходил долго. Пазл в мозгу всё никак не мог собраться воедино. Наконец Влад смог узнавать предметы. Он в подвале. Нет, это какой-то ангар или склад, покатым потолком теряется в вышине, слабо различимый в тусклом свете грязных ламп. Под самым потолком с криком носятся ласточки.

Ага, со всех сторон – стальные прутья. Похоже, он в клетке. Как те дети из садика, когда грянула сирена. Тогда и началась эпидемия, частью которой теперь стал и сам Влад. Инфекция, вот что это такое. Когда люди превращаются в бездумных роботов-убийц. Ха-ха. Какие придурки. В смысле те, кто так думал. Теперь, когда Влад по другую сторону, он может сказать, что всё это чушь. Да, он изменился, но способность мыслить не утратил. Зато приобрёл многое, да чего там, ведь теперь он почти бессмертен. И, главное, не ведает ни страха, ни сомнений.

И всё же он в ловушке. Поймался, как муха на липкую ленту. Клетка, в которой он находится, довольно просторная, здесь есть место для кучи электронного хлама, отдельные его элементы даже смутно знакомы. Но чего здесь точно нет, так это оружия. Об этом тот, кто его поймал, наверняка побеспокоился в первую очередь. А где же сам охотник? Влад ещё раз обвёл глазами ангар, дальняя стена которого находилась метрах в семидесяти. Какие-то ящики, поставленные один на другой, покрытые слоем пыли станки. И ещё одна клетка, поменьше, в ней тоже кто-то есть. Зомби. Не шевелится, но наверняка живой, просто впал в оцепенение.

– Эй, – позвал Влад.

Зомби завозился. Поднялся, вытаращился.

– Говорить можешь? – крикнул Влад и поморщился, потому что получилось «гавави моз?». Зомби ожидаемо не понял. Его движения выражали беспокойство.

– Ты давно здесь? – снова спросил Влад. В этот раз вышло немного внятнее.

Зомби покачал головой, и, казалось, утратил интерес к товарищу по несчастью. Он отвернулся, прошёлся до решётки и улёгся в углу затылком к Владу. Похоже, разговор окончен.

В ангаре было прохладно, но всё равно летали мухи. Владу это не понравилось. Летучие насекомые могут отложить яйца в его рану на ноге, и тогда жди очередную порцию опарышей. А мухи так и норовят сесть на незаживающее кровавое месиво. Он подумал, что не мешало бы перевязать ногу, но подходящей тряпки в клетке не нашлось.

Он мог долго размышлять на те или иные темы, но тут прозвучал голос, тут же подхваченный эхом:

– Ну как, освоился?

Влад повернулся. К нему приближалась фигура в серой форме, покроем похожей на военную.

Влад сделал неопределённый жест.

Охотник остановился у самых прутьев. Влад прикинул, что хватит двух прыжков, чтобы оказаться рядом и схватить похитителя за горло. Его остановила уверенность незнакомца. К тому же от того исходил этот непонятный запах, совсем не похожий на аромат добычи.

– Присаживайся. – Охотник указал на кучу хлама, наваленного в клетке.

Влад нехотя повиновался, выбрав вместо стула старый монитор.

– Ты ведь понимаешь меня, так?

Влад медленно кивнул. Он пытался направить поток мыслей на решение проблемы выхода из сложившейся ситуации. Получалось паршиво.

Охотник прошёлся вдоль клетки. Остановился, спросил:

– Интересуешься, кто я такой?

Пленник не ответил.

– Конечно, интересуешься. Охотник я. На таких, как ты. Ты знаешь, что это вирус? Вижу, что знаешь. Но вирус не простой, а синтетический. Враг запустил его, надеясь очистить территорию для себя. Запрограммировал на поражение определённых генотипов. Не учёл только паразитической возможности своего изобретения мгновенно мутировать.

– Почему ты... не пахнешь? – выдохнул Влад.

Охотник изогнул бровь и сунул нос в подмышку.

– Антиперсперант хороший, – сказал он и усмехнулся. – Шучу. Я понял, о чём ты. Всё просто – искусственная кровь. Жаль, сама не вырабатывается, приходится менять. Как масло в машине. Зато эффект – на загляденье! Ещё и чип в башке, так что теперь я почти бессмертен. Кстати, ты умеешь говорить. Большинство зомби утрачивают эту способность.

– Зачем я тебе?

– Ну, во-первых, ты – зомби. Ах, вопрос в том, почему я тебя не убил? Ну, ты не совсем типичный ходячий труп. Языком треплешь, обедаешь в основном стариками. Ты же кого-то ищешь, так?

Влад потупился. Охотник знает слишком много, а между тем голод не даёт обдумать ситуацию.

Охотник словно прочитал его мысли.

– Пожрать бы, да? – ехидно спросил он. – Есть у меня для тебя подарок. Если признаешься, кого ищешь. Давненько за тобой слежу, поэтому врать даже не пытайся.

Влад скрипнул зубами. От голода начали трястись руки. Будь что будет...

– Лида! – рявкнул он. – Где она?

Охотник замер. Исчезла даже глумливая ухмылка с лица. Теперь он выглядел серьёзным и озадаченным.

– Ты что-то помнишь? – почти шёпотом спросил он. Затем круто развернулся и скрылся за узкой дверью в боковой стене ангара.

Через минуту он вернулся. С плеча его свисало тело тощего старика.

Швырнул труп на пол возле прутьев, пояснил:

– Застрелился сегодня. Влупил дуплетом в сердце. Так что поаккуратней там, картечью не подавись.

Влад кинулся к мертвецу. Конечно, жевать дохлятину то ещё удовольствие, но выбирать не приходится. Он просунул руки между прутьев, пальцы впились в дряблую кожу. Подтянул труп поближе и забылся в блаженном поедании. Он не замечал изучающего взгляда охотника. Не видел вскочившего в своей клетке второго пленника, который с воем кидался на прутья и тянул руки к недостижимой пище. Почему-то охотник решил покормить только Влада.

4

Насытившись, Влад отполз к куче хлама, свернулся калачиком. Ему требовалось время на переваривание.

Когда смог двигаться, обнаружил, что охотник исчез. В соседней клетке зомби сидел на коленях и раскачивался из стороны в сторону, на Влада он не смотрел. От нечего делать Влад решил изучить ту гору наверняка нерабочей техники, которая занимала добрую четверть его клетки. В основном это были печатные платы и пожелтевшие пластиковые корпуса. Почти ничего металлического и хоть сколько-нибудь применимого в качестве оружия. Его внимание

привлекло массивное устройство, по виду совершенно целое и до боли знакомое. Влад принялся расчищать кучу, освобождая прибор от мусора. И тут он вспомнил. Это радар. Судовой радар устаревшей конструкции. Ну конечно, ведь Влад в прошлой жизни был моряком, работа была связана как раз с подобной аппаратурой. Он почувствовал невероятное возбуждение. Так, эти радары использовались ещё во времена его детства, а сам он видел такой в училище. Уже тогда их заменили более безопасными.

Влад схватился за волосы. Какую опасность мог представлять этот старинный радар? Он не помнил. Наверное, часть мозга всё-таки отмерла. Злость сотрясла тело. Невероятно, таких мощных эмоций он не испытывал ни разу с момента инфицирования.

Вопль из соседней клетки заставил его повернуться. Зомби крикнул снова. Нечленораздельное. Прыгал, как подстреленный, махая руками. Влад пригляделся и увидел воробья. Тот порхал над скачущим живым мертвецом и чирикал. Но скоро птице надоело это занятие, и она полетела вверх, в сторону потолка, на котором подрагивали пятна светильников. Влад проследил за её полётом и залип.

Электрический свет гипнотизировал. Шестерни в черепе зашевелились, мыслительный процесс пришёл в движение. Перед глазами, как трейлер к фильму, мелькали сцены из прошлой жизни. Вокруг вода, пол качается, как при землетрясении. «Шторм», – вынырнуло из глубин памяти позабытое слово. «Не сиди на нём, детей не будет», – чей-то голос, размазанный, как каша по тарелке. А вот и радар, кто-то сидит на нём, и это *опасно*. Вой сирены, зомби. Сначала один-два, похожи на пьяниц, даже не верится, что представляют угрозу. Но вот их всё больше. Люди орут, прячутся в квартирах. А через какое-то время сами выламывают двери и выходят на охоту – инфекция. Влад держался довольно долго. Почти всех знакомых сожрали. А потом этот ребёнок... Маленькая девочка с потерянным взглядом. Он тянет к ней руки, но та открывает ротик и впивается зубками в его ногу. Он не знал, что в столь маленьком тельце может таиться такая сила. Грызёт и грызёт, пока он не сворачивает ей шею. Потом каталка, его руки и ноги связаны. «Давно?» – спрашивает мужской голос, наверное, доктор. «Да нет, пара часов максимум», – отзывается другой. Доверять такому голосу Влад бы не стал. Но доктор верит. И собирается вставить Владу в сердце фильтр, отлавливающий вирусы – новое изобретение учёных. Это нужно делать в первые часы после укуса, пока инфекция не проникла в клетки. Маленькая комната, свет в глаза. И она. Лик богини, потому что не может человек иметь такое лицо. Её губы размыкаются, и до его слуха доносится: «Лида».

Светильники мигнули и наваждение прошло.

Влад посмотрел в сторону двери. Закрыта, и охотника не видать.

Он принялся энергично расшвыривать оставшийся хлам. Вот и радар, на первый взгляд, целёхонек. Оборванный провод – питание. Влад работал и работал, не замечая, как тело разогревается. Вот к коже уже нельзя прикоснуться. Начали тлеть обрывки одежды. Волосы свернулись в маленькие колечки.

Спустя час или все десять, Влад шёлкнул тумблером. Сначала ничего не произошло, но потом послышалось нарастающее гудение. Радар заработал! Влад с удивлением проследил за проводом, который тянулся к потолку сквозь прутья клетки. Он не помнил, как взбирался наверх и приматывал провода к тем, что питают светильники. И всё-таки он сделал это. Он обхватил гудящий радар обеими руками, повернул активной стороной к выходу. Затем сел и откинулся на вибрирующий пластик. Опасаться излучений не стоило, ведь он зомби. Чёртов зомби. Да, он впервые назвал себя этим словом, но не испытал никаких неприятных чувств.

Дверь скрипнула и отворилась. В прямоугольнике света отчётливо вырисовывалась фигура, которую Влад узнал бы из тысячи. Охотник.

– Загораешь? – насмешливо спросил тот, привыкнув к полумраку ангара.

Влад пожал плечами. Слово «загар» давно утратило для него смысл.

Охотник расстегнул серую куртку, снял, зашвырнул на один из ящиков.

– Я сейчас зайду к тебе, поговорим, – сказал он.

Радар продолжал монотонно гудеть.

Влад медленно кивнул. Он надеялся, что охотник не заметит его оживления.

– Только без глупостей, – предупредил тот, – я вооружён, да и вообще, справиться с тобой не проблема. Просто не хочу, чтобы ты повредил мне оболочку.

Щёлкнул замком, решётчатая дверь отворилась.

Влад не шевелился.

– Гляжу, порядок навёл, – продолжал охотник, шаг за шагом приближаясь к пленнику.

Тот снова пожал плечами.

– Авирадона-у-у-не, – вдруг сорвалось с губ охотника. На его лице явно прочитывалось недоумение. И тут с ним произошло невообразимое. Его конечности зажали каждая собственной жизнью, голова начала раскачиваться взад-вперёд, глаза вращались, как обезумевшие.

Влад с интересом наблюдал за происходящим. Его замысел сработал, излучение от радара оказалось настолько сильным, что электронная начинка киборга засбоила. Не став дожидаться, когда охотник упадёт, тем более тот мог переключиться на какой-нибудь резервный процессор, Влад вскочил и ринулся на врага.

Радар он выключил только после того, как отрезал охотнику ступни и кисти рук отобранным у него же ножом. Затем швырнул ставшее беззащитным тело на груды мусора.

– Теперь поговорим, – сказал он, но получилось «тепеава-аим». Тем не менее, охотник понял.

– Спрашивай.

Из соседней клетки за происходящим наблюдал так и не покормленный зомби. Под потолком с пронзительным писком носились ласточки.

– Где Лида? – Два коротких слова протолкнулись через связки с невероятным усилием.

Охотник поднял брови:

– Ты так и не вспомнил? Надо сказать, мы долго ржали, когда поняли в чём дело. Ах да, я не сказал, в том подвале, где тебя собирались оперировать, велась видеосъёмка.

И он заржал, хотя смех поражал неискренностью, да и каким ещё он мог быть у человека с искусственной кровью?

Влад замахнулся ножом.

Смех стих.

– Ты сам будешь смеяться, – пообещал охотник. Похоже, он совсем не обращал внимания на сочащиеся кровью обрубки. В этом он был похож на зомби.

– Короче, запись пришлось просмотреть несколько раз. Помнишь, врач спросил про обезболивающие?

И Влад вспомнил. Девушка анестезиолог держала на лице Влада эфирную маску, когда голос из-за пределов видимости спросил:

– Что у нас с обезболивающими?

– Лидокаин... – произнесла девушка, но Влад услышал только два слога: «ли-да...», – и рванул вперёд.

Он обхватил голову руками.

– Не-ет! – вырвалось из парализованного горла.

– Хует, – отозвался охотник. – Ту девушку, даже не знаю, как её звали, ты разорвал в клочья. Не столько ел, сколько глумился. Врачу погрыз шею. Ещё одному из медиков удалось сбежать, но видно ты его таки задел, потому что к нам он не явился. Наверное, пополнил армию зомби.

Влад с размаху воткнул длинное лезвие армейского ножа в грудь беззащитного противника. Но тот только усмехнулся и продолжил:

– Сожрал ты свою «Лиду», придурок.

Больше он не проронил ни слова. Влад отрезал охотнику голову, орудуя ножом, как пилой, затем подошвой ботинка раскрошил нижнюю челюсть. Разделённые голова и тело какое-то время шевелились, потом успокоились.

После этого зомби из соседней клетки потерял интерес к происходящему и демонстративно повернулся спиной.

Влад сунул нож за ремень и направился к выходу. Разумеется, он не верил ни единому слову охотника. Лида обязательно отыщется, но нужно поторопиться – левая нога вот-вот отнимется.

Консерваторы

Джо Банниган слыл консерватором даже среди консервативных южан. Когда вся страна в едином порыве поддержала молодого Кеннеди, Банниган упорно голосовал за Никсона. Жена давно смирилась с его чудаковатостью и даже иногда поддерживала. Во всяком случае, когда Джо заявил, что на одном ребёнке, тем более девке, он останавливаться не намерен, супруга выказала немного даже навязчивую покорность – схватила мужа за узел шейного платка и потащила в кровать, на которой всего два года назад чета Банниган соорудила малютку Лизи.

На двухколёсного «ишака», как называл странного вида драндулет его старший брат, Джонни сел в семнадцать лет. «Ишак» больше ревел и дымил, чем ехал, но Джо был доволен, как хорёк, пробравшийся в курятник. Потом он разжился ещё двумя-тремя подобными агрегатами, но всё изменилось, когда Джон Банниган приобрёл новенький Харли Дэвидсон. Конечно, покупка основательно подорвала семейный бюджет на долгие месяцы вперёд (техника была куплена в кредит), но никто и пикнуть не смел о её несвоевременности. Даже жена, только что родившая Ллойда и совершенно вымотанная хлопотами по дому, возражать не стала. В глубине души ей даже нравился этот железный монстр цвета хаки, обильно украшенный хромированными деталями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.